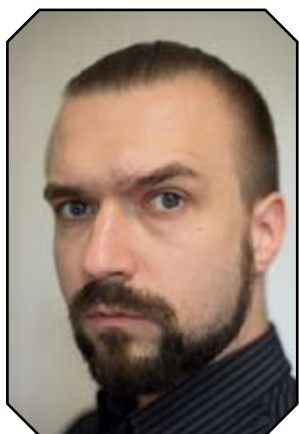

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

С. А. Коротаев, Е. Н. Гасюкова

Социальные различия и политическое участие: медирующая роль идеологических предпочтений¹

КОРОТАЕВ Сергей Александрович — научный сотрудник Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: skorotaev@hse.ru

В статье предпринята попытка рассмотреть идеологические ориентации как медиаторы влияния социальной позиции на политическое участие. В литературе сегодня имеется значительное число работ, исследующих каждую из цепочек данной связи по отдельности (влияние социальной позиции на политические предпочтения; воздействие политических предпочтений на политическое участие), но роль политических предпочтений как медиатора влияния социальной позиции на политическое участие не была исследована. Представленная работа содействует развитию данного подхода, привлекая для анализа модель эффекта медиации. Модель состоит из трёх переменных: зависимой (политическое участие), независимой (социальная позиция), переменной-медиатора (политические предпочтения). Для построения соответствующих регрессий и оценки связи между переменными авторами было сконструировано трёхмерное пространство политических предпочтений, первая из осей которого связана с представлениями о допустимости материального неравенства, вторая — с представлениями о важности социального государства, третья — со степенью толерантности к мигрантам. В отношении зависимой переменной были рассмотрены два типа политического участия: голосование и прямое участие, иницируемое гражданами, а не правительством. Исследование выполнено на данных восьмой волны проекта «Европейское социальное исследование» (European Social Survey — ESS; 2016 г.). Анализ был проведён на трёх выборках: стран Западной Европы (Австрия, Бельгия, Германия, Франция), постсоциалистических стран Центральной Европы (Венгрия, Польша, Чехия) и России. Результаты анализа выявили статистическую значимость политических предпочтений как медиатора влияния социальной позиции на политическое участие, при этом направление влияния оказалось сходным для исследуемых стран. Различия между государствами проходили по линии (не)значимости самих коэффициентов. В целом можно заключить, что в отношении западных стран полученные закономерности достаточно точно соответствуют имеющимся в литературе представлениям; влияние социальной позиции на политическое участие в постсоциалистических странах (включая Россию) оказалось менее значимо, лишь немногие социальные различия проявляются в политической сфере.

Ключевые слова: медиация; политические ориентации; идеологическая позиция; политическое участие; социальные различия; постсоциалистические страны; Россия.

¹ Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10270).

ГАСЮКОВА Елена Николаевна — стажёр-исследователь Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: egasyukova@hse.ru

Введение

Политическое участие является одной из центральных тем в политических и социальных науках, политической философии. С конвенциональной точки зрения политическое участие — то, что превращает индивида в гражданина, — выступает источником и условием возможности общего блага (*common good*) [Lee 2016]. Политическое участие — это условие легитимности всякого демократического или претендующего на это правительства, как и легитимности принимаемых им решений [Deth 2015]. Участие позволяет воздействовать гражданам на правительство и добиваться признания и решения проблем [Deth 2015]. Исследования показывают, что уровень участия положительно связан с эффективностью государственного управления в стране [Welzel, Inglehart, Deutsch 2005; Dalton 2017: 215–217]. Наконец, опыт политического участия оказывает влияние на индивидуальном уровне, формируя представление о гражданских ценностях, интерес к политике и политические установки [Leighley 1995; Quintelier, Deth 2014], повышает удовлетворённость жизнью и уровень счастья [Wallace, Pichler 2009; Pacheco, Lange 2010].

Имеется значительное количество работ, посвящённых изучению влияния социальной позиции индивида, профессиональной или классовой принадлежности на политическое участие, а также на политические предпочтения. Существуют также работы, рассматривающие влияние политических ориентаций на участие. При этом, насколько нам известно, рассмотрение идеологической позиции как медиатора связи влияния социальной позиции на политическое участие всё ещё не получило систематического рассмотрения². Наша работа направлена на заполнение обозначенного пробела. Кроме того, предшествующие исследования выполнены по большей части на данных стран Западной Европы и Северной Америки, при этом специфика связи между социальной позицией, идеологической позицией и политическим участием в других странах остаётся нераскрытой. Проводя анализ отдельно для каждой из групп стран, мы стремимся к выявлению данной специфики.

Влияние социальной позиции на политические предпочтения и политическое участие

Множество работ указывают на то, что социальная, или классовая, позиция связана с поведением в политической сфере — политическими предпочтениями (идеологической позицией), уровнем политического участия и преимущественными формами этого участия [Verba, Schlozman, Brady 1995; Cañinos, Voces 2010; Schlozman, Verba, Brady 2012; Quintelier, Hooghe 2013; Erikson 2015; Madalozzo, Chebib 2017]. Среди многочисленных подходов к концептуализации этой связи можно выделить три основных; в первом из них ключевая роль отводится прагматическому интересу индивида, во вто-

² Как исключение можно упомянуть работу Дж. Б. Строна и А. Л. Эндриота, в которой рассматривается ряд медиаторов влияния образования на политическое участие [Straughn, Andriot 2011]. Некоторые из этих медиаторов можно интерпретировать как показатели политических предпочтений.

ром — наличию необходимых для политического участия *ресурсов*, в третьем — влиянию *социальной среды*³. Рассмотрим каждый из них:

- *интерес* — предпочтения, отражающие связанные с социальной позицией прагматичные интересы индивида (подобно «классовому интересу» Маркса). Например, отношение индивида к иммигрантам зависит от того, являются ли они его конкурентами за рабочие места, что определяется соотношением типичного образовательного уровня коренного и прибывающего населения [Paas, Demidova 2014; Mayda 2006]. Среди сторонников радикально левых политических взглядов больше бедных и безработных, поскольку уравнительная и перераспределительная политика в экономике соответствует их интересам [Visser et al. 2014]. Причём взгляды на перераспределительную политику могут меняться в ответ на изменение материальной ситуации индивида — падение дохода или потерю работы [Owens, Pedulla 2014; Visser et al. 2014]. Утилитарные интересы не только определяют позицию по тем или иным политическим вопросам, но могут побуждать к действиям тех, кто требует от политиков решения возникших проблем [Ejrnæs 2017];
- *ресурсы*: для политического участия необходимы время, деньги, соответствующие компетенции [Verba, Schlozman, Brady 1995; Morrell 2003], обладание информацией, знаниями в сфере политики [Schlozman, Verba, Brady 2012; Erikson 2015]. Как правило, обладание перечисленными ресурсами связано с уровнем дохода, образования, профессией или классом. В исследованиях они могут прямо операционализироваться через параметры социальной позиции. Ресурсы не только определяют возможность участия, но и влияют на предпочтения. Так, политическая подкованность является необходимым условием для осознания своих «классовых интересов» [Erikson 2015];

Вышеперечисленные подходы более или менее явно исходят из постулатов теории рационального действия. Предполагается, что каждый индивид имеет или мог бы иметь, обладай он необходимыми ресурсами, собственное мнение по политическим вопросам. Это мнение он стремится в меру имеющихся возможностей выразить с помощью тех или иных форм политического участия. Такое инструментальное политическое действие является формой обратной связи гражданина с правительством или голосом по Хиршману. В соответствии же с идеалами демократии задача государства и общества заключается в том, чтобы максимально обеспечить возможность политического участия каждого, например, снижая барьеры для участия в голосовании [Piven, Cloward 2000], обеспечивая социальную поддержку уязвимым группам [Marx, Nguyen 2018], позволяющую им высвободить ресурсы для политического участия.

- *социальная среда*: альтернативный двум первым подходам взгляд заключается в том, что политические предпочтения, а также практики их артикуляции не являются результатом рациональных калькуляций и размышлений в рамках изолированной сферы политики [Lamprianou 2013], но отражают более общие когнитивные и поведенческие паттерны — здравый смысл, культуру или этос группы либо социальной среды, усвоенные в процессе социализации [Bourdieu 1984: 418–419; Бурдьё 1993]. Роль играет не абсолютный объём ресурсов, а их относительное количество, определяющее положение индивида или группы в социальном пространстве относительно других индивидов и (или) групп. Именно от этого положения зависят практики (не) участия в политике [Harriss 2013]. С этой точки зрения, низкий уровень вовлечённости и отсутствие собственной политической позиции низкодоходных индивидов могут быть объяснены тем, что в их собственных глазах они не являются легитимными производителями политических взглядов, поскольку политика — дело более благополучных групп [Laurison 2015]. Склон-

³ Можно отметить и четвёртый подход, связанный с исследованием влияния ценностей на политическое участие (см., например: [Welzel, Inglehart, Deutsch 2005]). Но этот подход выходит за рамки нашего интереса.

ность к политической активности формируется в родительской семье, значительное влияние оказывает круг общения [Quintelier 2015]. Роль играет не только непосредственное общение, но и информационное пространство, в которое погружён индивид, — типы медиа, бренды СМИ, жанры (см., например: [Quintelier 2015; Zaheer 2016]), и это пространство отличается у представителей разных групп (см., например: [Chan, Goldthorpe 2007; Bennett et al. 2009]). Наконец, прежде мы рассматривали внеуродовую социализацию, то есть профессия использовалась как прокси-показатель социальной среды индивида, однако, согласно М. Л. Кону, роль играет именно трудовая социализация [Kohn 2001]. Предполагается, что привычные для данной профессии схемы решения проблем могут быть перенесены на другие сферы жизни, в частности на политику [Kitschelt, Rehm 2014]. Впрочем, полученные Г. Китчельтом и Ф. Рэмом результаты [Kitschelt, Rehm 2014] близки результатам апологетов подхода П. Бурдьё (см., например: [Harrits 2013]).

Три рассмотренных выше взгляда на природу связи социальной позиции на политические предпочтения и уровень политического участия имеют некоторые общие следствия, которые позволяют сформулировать гипотезы:

Гипотеза 1 (H 1). Социальная позиция влияет на уровень политического участия индивида.

Гипотеза 2a (H 2a). Социальная позиция влияет на политические ориентации индивида.

Влияние идеологической позиции на политическое участие

Рассмотрение влияния политических предпочтений на участие получило в литературе значительно меньшее внимание — идеология часто оказывается в тени других факторов. Тем не менее существуют свидетельства, что идеология также оказывает влияние на степень вовлечённости в политическую активность и на предпочитаемые формы такой активности. В ряде исследований было продемонстрировано, что те, кто придерживается левых позиций, в большей степени склонны к политическому участию [Anderson, Mendes 2006; Meer, Deth, Scheepers 2009; Hoyt et al. 2018], причём этот эффект сильнее для неинституциональных форм участия [Meer, Deth, Scheepers 2009].

Люди могут иметь различные представления о том, какова роль граждан в политическом процессе: должны ли они только участвовать в выборах и возложить всю дальнейшую ответственность на выбранных представителей либо им необходимо стремиться к непосредственному участию в принятии решений. Эти представления также определяют склонность людей к политическому участию [Dalton 2008; Bengtsson, Christensen 2014; Gherghina, Geissel 2017].

Гипотеза 2b (H 2b). Политические ориентации оказывают влияние на уровень политического участия.

Из гипотез 2a и 2b следует

Гипотеза 2 (H 2). Политические ориентации являются медиаторами влияния социальной позиции на политическое участие.

Эффект страны

Любая политическая активность происходит в определённых и заданных внешней средой рамках. Возможности и целесообразность тех или иных форм политического участия, ожидаемые издержки

и результаты такого участия зависят от множества условий — от имеющихся каналов институционализированного участия, законов, правил неинституционализированного участия, от конкретной конфигурации политической системы, определяющей в том числе возможных адресатов и инициаторов политических посланий и выступлений, от текущей политической повестки, наконец, от политических традиций и политической культуры, отражающих ещё более общие культурные паттерны, которые характеризуют различные социальные группы.

Так, желание участвовать зависит и от того, насколько политическая позиция индивида соответствует политической позиции правительства [Meer, Deth, Scheepers 2009]. В случае ощущаемого несоответствия индивид в меньшей степени будет доверять правительству и с большей вероятностью окажется неудовлетворённым текущими результатами его деятельности [Hibbing, Theiss-Morse 2004: 70]. Данный феномен, как правило, описывается в терминах «победители — проигравшие» или «большинство — меньшинство». У проигравших гораздо больше причин поставить под вопрос легитимность политической системы, что выражается в протестном участии [Anderson, Mendes 2006]. Эффект, связанный с принадлежностью к электоральному меньшинству, зависит от степени укоренённости демократических традиций [Anderson, Mendes 2006]. В странах признанной демократии индивид имеет множество механизмов политического участия, даже находясь в оппозиции к правительству; кроме того, он может быть уверен в возможности смены этого правительства на следующих выборах. В так называемых новых или слабых демократиях, где нет уверенности в стабильности правил, наличия множества форм институционализированного политического участия, гарантий сменяемости правительства, ситуация с участием будет иной [Anderson, Mendes 2006]. Так, согласно Б. Гилли, демократии, в отличие от режимов, где государство и правительство слиты, способны сохранять свою легитимность, несмотря на падение доверия к текущему правительству [Gilley 2006].

Специфика России заключается в фактическом отсутствии электорального выбора, как свидетельствует анализ голосований депутатов Думы по законопроектам, уже начиная с четвёртого созыва (2003 г.) невозможно выявить хоть какое-то различие в идеологической позиции избранных партий и отдельных депутатов, а позиция парламента в точности соответствует позиции правительства (см.: [Smyth 2012]). В этом исследовании рассматривались две оси: редистрибуция и отношения с Западом). Не удивительно, что практически половина россиян не могут указать политическую партию, которая вызвала бы симпатию [Гудков 2012]. В такой ситуации принадлежность к политическому меньшинству становится хронической. С одной стороны, это может вызывать радикализацию или апатию у несогласных с властью⁴, с другой — способность ориентироваться в пространстве политических предпочтений становится избыточным исключительно теоретическим навыком, поскольку он никак не связан с действительной политической жизнью страны и опытом электорального участия. Дополнительным препятствием для формирования этой способности является то, что транслируемый государственными СМИ политический дискурс практически не соотносится ни с реальной ситуацией в стране, ни с общепринятыми трактовками задействованных журналистами категорий [Данилова 2018]. Следовательно, любая политическая категория приобретает химерический характер, объединяя несколько буквально противоположных смыслов и интерпретаций.

В результате идеологические взгляды россиян оказываются слабо дифференцированными; более половины граждан не имеют представления о том, в государстве с каким политическим устройством они хотели бы жить. Политика как сфера интеллектуальной или публичной жизни для этих людей практически не существует [Гудков 2012]. А. В. Андреев отмечает, что россиянам присуща определённая наивность в воззрениях, когда во внимание принимаются лишь преимущества, связанные с принятием

⁴ Люди могут расценивать правящую партию как единственную силу, обладающую ресурсами для решения проблем, даже если не согласны с её идеологической позицией [Воробьёва 2016].

некоторой идеологической позиции, тогда как издержки игнорируются. Конкретно в её работе речь идёт о социальном государстве как источнике справедливости, но его цена — высокие налоги — не осознаётся респондентами [Андреенкова 2017].

Вышесказанное позволяет ожидать, что в российских условиях формирование политических предпочтений, как и их значение для политического участия, существенно отличается от постулируемого в полученных на западных данных моделях. То же в большей или меньшей степени может быть верно для других постсоциалистических стран Европы. Таким образом, мы ожидаем, что механизмы, связывающие социальную позицию, идеологические предпочтения с политическим участием, будут действовать по-разному в странах Западной Европы и постсоциалистических государствах. Данные ожидания позволяют сформулировать следующую гипотезу:

Гипотеза 3 (H 3). Значимые связи в модели направлены в противоположные стороны (увеличение или уменьшение эффекта) на разных выборах.

Альтернативная возможность заключается в следующем:

Гипотеза 3' (H 3'). Связи между социальной позицией, политическими предпочтениями и политическими участиями носят универсальный характер.

Методология

Простейшая модель эффекта медиации состоит из трёх переменных (см. рис. 1): зависимой переменной Y , независимой переменной X и переменной-медиатора M . Данная модель описывается тремя регрессионными уравнениями:

$$Y = i_1 + cX + e_1, \quad (1)$$

$$M = i_2 + aX + e_2, \quad (2)$$

$$Y = i_3 + bM + c'X + e_3, \quad (3)$$

где a описывает эффект независимой переменной на медиатор,

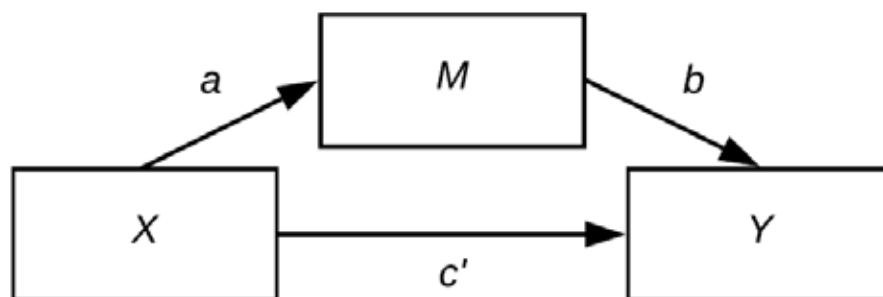
b — эффект медиатора на зависимую переменную,

c и c' — прямой эффект независимой переменной на зависимую при отсутствии и наличии медиатора соответственно,

i_1, i_2, i_3 — константы,

e_1, e_2, e_3 — остатки,

Эффект медиации можно определить двумя способами: как $a * b$ и $c - c'$, и в случае если уравнения 1, 2, 3 представляют собой линейные МНК-регрессии, оба эти способа дают тождественный результат (см., например: [MacKinnon 2008]).

Примечание: В контексте настоящего исследования X — показатели социальной позиции, M — политические предпочтения, Y — политическое участие. Эффект a отражает гипотезу $H 2a$, эффект b — $H 2b$.

Рис. 1. Модель анализа медиации

В нашем случае ситуация усложняется наличием (а) нескольких независимых переменных, описывающих социальное положение респондента, (б) нескольких переменных-медиаторов, отражающих положение индивида в пространстве политических ориентаций, а также тем, что (с) зависимая переменная является дихотомической. Из пункта (б) следует, что вместо одного уравнения 2 рассматриваемая модель содержит n_M уравнений с зависимыми переменными $M_1, M_2 \dots M_{n_M}$, где n_M — количество переменных-медиаторов. Совместно (а) и (б) приводят к тому, что вместо одной медирующей связи имеется $n_M * n_X$ потенциальных связей, где n_X — количество независимых переменных. Из пункта (с) следует необходимость рассмотрения уравнений 1 и 3 не как линейных регрессий, а как логистических, что усложняет оценку эффекта⁵; в частности, оценка разности c и c' оказывается проблематичной, $a * b$ более не равно $c - c'$ (см. [MacKinnon 2008: 304–305]). Оценка $a * b$ в таком случае более доступна, к тому же она проще поддается смысловой интерпретации при наличии нескольких медиаторов и независимых переменных. В данной работе для оценки значимости медиации коэффициенты a , b и $a * b$ были стандартизированы с использованием формул, предложенных Д. Якобуччи [Jacobucci 2012].

Исследование выполнено на данных восьмой волны European Social Survey (ESS) (2016 г.). Независимо рассмотрены три выборки: страны Западной Европы (Германия, Франция, Австрия, Бельгия), постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы (Польша, Венгрия, Чехия) (далее — страны ЦВЕ), Россия. Там, где это было возможно, страны объединены в группы для увеличения размера выборки. Культурная и историческая близость государств внутри выбранных групп позволяет ожидать сходства исследуемых связей в этих странах. Объем выборок составил: Западная Европа — 8698 чел.; ЦВЕ — 5577 чел.; Россия — 2430 чел.

Спорным вопросом является использование весов выборки при регрессионном анализе. В ESS есть два типа весов: первый корректирует смещение выборки и неравномерность распределения «неответов» внутри страны (*design weights, post-stratification weights*), второй обеспечивает сопоставимость государств на общеевропейском уровне, он пропорционален численности населения данной страны (*population size weight*). Применение второго веса ведёт к тому, что, например, житель Франции «весит» в семь раз больше жителя Бельгии (2,63 и 0,37). Анализ на общей выборке из этих двух стран даст практически те же зависимости, что и на французской выборке, тогда как значимость коэффициентов будет существенно завышена. Исходя из подобных соображений, следуя позиции ряда специалистов по статистическому анализу (см., например: [Winship, Radbill 1994; Solon, Haider, Wooldridge 2015])

⁵ Кроме того, дихотомичность зависимой переменной не позволяет использовать некоторые имеющиеся программные решения для оценки медиации (см.: [Hayes 2018]).

и вопреки инструкциям, представленным на сайте ESS⁶, было решено отказаться от взвешивания выборки. При этом был также проведён контрольный анализ на взвешенных выборках, давший сходные результаты (доступны от авторов по запросу).

Переменные

Зависимая переменная: политическое участие

В литературе встречаются несколько подходов к классификации форм политического участия. Наиболее распространённым является выделение двух типов участия — (1) конвенциональное (институциональное) и (2) неконвенциональное (неинституциональное) (см., например: [Hooghe, Marien 2013; Bengtsson, Christensen 2014; Bäck, Christensen 2016]). Первое предполагает задействование каналов и механизмов, предусмотренных формальной политической системой, тогда как второе осуществляется вне этой системы, его принципы задают сами участники. Примерами первого являются голосование, участие в партии, обращение к политику, второго — демонстрации, петиции, бойкот, ношение политической символики.

На российских данных разделение политического участия на институциональное и неинституциональное оказалось затруднительным. Факторный анализ с двумя факторами выявил компоненты, которые плохо укладываются в данную схему. Более подходящим, по нашему мнению, является разделение, предложенное Р. Дж. Долтоном [Dalton 2008], в котором навязываемые сверху формы политического участия (электоральные) противопоставляются идущим снизу «прямым» формам участия независимо от того, какие каналы они задействуют (см., например: [Straughn, Andriot 2011]). В соответствии с таким взглядом нами были сконструированы две дихотомические переменные: участие респондента в голосовании на последних национальных выборах (да; нет) и опыт вовлечённости в прямые формы политического участия. Вторая переменная кодировалась как 1, если хотя бы на один из нижеследующих вопросов был получен утвердительный ответ⁷:

- Обращались ли Вы к конкретному политику или в общероссийские или местные органы власти?
- Принимали участие в работе какой-либо другой (не политической партии) общественной организации или объединения?
- Носили или вывешивали символику какой-либо политической, социальной, гражданской, экологической или какой-либо иной акции или организации и т. п.?
- Подписывали петиции, обращения, открытые письма?
- Принимали участие в разрешённых демонстрациях?
- Бойкотировали, отказывались от покупки или потребления каких-либо товаров или услуг, чтобы выразить свой протест?

В таблице 1 приведена доля жителей каждой из стран в нашей выборке, принимавших участие в двух формах политической активности.

⁶ См.: ESS8 edition 2,0 (published 30,05,18). URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/round8/survey/ESS8_data_documentation_report_e02_0.pdf

⁷ Формулировки приводятся по российской версии анкеты ESS; см. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/round8/fieldwork/russian_federation/ESS8_questionnaires_RU.pdf

Таблица 1

Доля жителей, принимавших участие в прямом и электоральном политическом участии (%)

Тип участия	Россия	Германия	Австрия	Бельгия	Франция	Польша	Чехия	Венгрия
Голосование	57	85	85	92	68	74	58	75
Прямое участие	19	66	50	51	54	23	29	13

Примечание: В таблице представлена доля проголосовавших среди тех, кто имел право голосовать. В Бельгии голосование является обязательным.

Переменные-медиаторы: политические предпочтения

Наиболее распространённым в литературе способом операционализации политических предпочтений (идеологической позиции) является самопозиционирование респондента на шкале «левый — правый» или «либерал — консерватор». Однако данный подход уязвим для критики сразу с нескольких направлений. Во-первых, абстрактные вопросы могут вызывать у людей совершенно разные ассоциации: кто такие «левые» и кто такие «правые»? Различие ассоциативного ряда ведёт к тому, что респонденты фактически руководствуются разными шкалами при ответе на вопрос. Так, более образованные респонденты склонны рассматривать «левый» и «правый» как абстрактные концепции, идеологии (например, коммунизм); менее образованные — связывать их с существующими в настоящий момент партиями или политиками. Как следствие, первые реже приписывают себе крайние позиции на шкале (они мыслят политический спектр шире). Таким образом, представители различных социальных групп фактически отвечают на разные вопросы, размещая себя на оси «левый — правый»; ещё менее сопоставимыми оказываются результаты при межстрановом сравнении [Bauer et al. 2017].

Во-вторых, одна ось не исчерпывает фактической вариации политических взглядов людей, которые, как правило, не согласовывают свои позиции между различными сферами жизни [Feldman, Johnston 2014].

В-третьих, поляризация вдоль единой оси политических предпочтений является отражением определённой исторически сложившейся конфигурации пространства политической конкуренции, характерной для стран Западной Европы и Северной Америки. Привычка осмысливать политическое пространство в таких категориях вырабатывается через участие в политическом выборе между поляризованными вдоль одной оси партиями и кандидатами. Данные свидетельствуют, что для жителей постсоциалистических стран Европы, имеющих совершенно иной опыт политического участия, самопозиционирование на шкале «левый — правый» не отражает заложенных в этот концепт связей с другими показателями политической ориентации [Aspelund, Lindeman, Verkasalo 2013].

Определённое распространение получила двумерная модель пространства идеологических позиций, где первая ось отражает консерватизм в экономической сфере (неравенство, перераспределение), а вторая — в социальной (толерантность, гендерные роли и проч.) [Treier, Hillygus 2009; Feldman, Johnston 2014]. Г. Китчельт и Ф. Рэм конструируют трёхмерное пространство идеологии, где первая ось — отношение к редистрибуции, вторая противопоставляет авторитарное правительство и правительство, вовлекающее граждан в управление, третья — закрытость сообщества: барьеры для мигрантов и т. п. [Kitschelt, Rehm 2014]. Перечисленные подходы послужили отправной точкой для предложенного в настоящей статье способа операционализации пространства политических предпочтений. При этом, разумеется, операционализация изначально была ограничена тем списком вопросов, который содержался в восьмой волне ESS. Вопросы отбирались таким образом, чтобы их формулировки носили общий характер, то есть способствовали, насколько это возможно, экспликации универсальных политических предпочтений, независимых от локальной повестки.

Были выделены блоки вопросов, связанных с (а) отношением к редистрибуции (материальное неравенство, социальное государство), и этот блок близок к экономическому консерватизму, (б) открытостью сообщества: толерантность к мигрантам и представителям сексуальных меньшинств⁸. Блок (б) сходен с третьей осью политического пространства Г. Китчельта и Ф. Рэма, но открытость здесь трактуется более широко — не только по отношению к внешнему другому (мигрантам), но и по отношению к внутреннему другому (сексуальным меньшинствам). Таким образом, этот блок можно трактовать и как социальный консерватизм.

После первичного отбора переменных был проведён факторный анализ (метод главных компонент) для каждого из блоков на данных отдельных стран и на межстрановой выборке⁹. Результаты показали, что вопросы блока (а) не укладываются в один фактор, образуя два независимых фактора. Толерантность к мигрантам и сексуальным меньшинствам также группируются в два отдельных фактора. В результате было принято решение использовать трёхмерное пространство политических предпочтений; при этом вопросы, связанные с отношением к сексуальным меньшинствам, были исключены из анализа. Итоговая конфигурация была получена на основе девяти вопросов, которые устойчиво группируются в три фактора, представленных в таблице 2.

Таблица 2

Конфигурация пространства политических предпочтений

Фактор 1 Приемлемость неравенства	Фактор 2 Социальное государство	Фактор 3 Толерантность к мигрантам
Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми	В какой мере государство должно участвовать в выполнении каждой из следующих задач: — обеспечение достойного уровня жизни людям в старости; — обеспечение достойного уровня жизни безработным; — обеспечение ухода за детьми работающих родителей.	Следует ли позволить людям, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения России, переезжать жить в нашу страну? Как Вы считаете, то, что люди из других стран переезжают в Россию, в целом плохо или хорошо сказывается на экономике России? Как Вы считаете, приток людей из других стран, скорее, разрушает или, скорее, обогащает культуру России? Как Вы считаете, с притоком людей из других стран Россия как место для жизни становится лучше или хуже?

Примечание: у переменных, образующий фактор 1, факторные нагрузки не менее 0,8; фактор 2 — 0,69; фактор 3 — 0,67,

*В отношении фактора 1 близкий по смыслу вопрос: «Правильно, что разница в доходах между людьми должна быть велика, так как велика и разница в их способностях и приложенных усилиях?» — был исключён из анализа, поскольку факторная нагрузка у этой переменной была низкой.

Первый фактор характеризует представления респондентов о допустимости неравенства; второй — отношение к социальной поддержке со стороны государства (*welfare state*); третий отражает толерантность к мигрантам.

⁸ Многообещающая в контексте нашего исследования ось «авторитаризм — соучастие», предложенная Г. Китчельтом и Ф. Рэмом [Kitschelt, Rehm 2014], не была включена из-за отсутствия достаточного количества релевантных вопросов в базе. Хотя Китчель и Рэм также строили свои индексы на основе данных ESS, те переменные, которые они использовали, либо отсутствуют в восьмой волне ESS, либо соответствуют, по нашему мнению, психологическим установкам или ценностям, а не представлениям о желательном положении дел в политической сфере. Мы полагаем, что использование психологических показателей в качестве показателей идеологической позиции не вполне корректно, даже принимая во внимание существующую тесную связь между ними (см., например: [Carney et al. 2008]).

⁹ Предварительно переменные были преобразованы так, чтобы их значения лежали в диапазоне от 0 до 1, а большие значения соответствовали бы более «левой» позиции респондента.

Поскольку целью работы является осуществление межстранового сравнения, необходимо использование переменных, идентичных для каждой из стран (групп стран). Для разных стран факторный анализ даёт хотя и близкие, но всё же не идентичные нагрузки, поэтому для анализа было решено использовать индексы, построенные на тех же переменных, что и факторы. Каждый индекс был рассчитан как сумма значений составляющих его переменных. Индексы сконструированы таким образом, что большему значению соответствует более «левая» позиция: низкий уровень неравенства, социальное государство, толерантность к мигрантам. Для удобства присвоим индексам следующие наименования: «приемлемость неравенства»; «социальное государство»; «толерантность к мигрантам» (см. табл. 2).

Корреляция Пирсона между первым и вторым индексами составляет около 0,24; коэффициенты корреляции третьего индекса с первыми двумя составляют менее 0,1. Малые значения корреляций говорят в пользу независимости построенных индексов.

Независимые переменные: социальная позиция

Способ определения и операционализации социальной позиции вытекает из разделяемых исследователем представлений о стратификации, классовой или — более обще — социальной структуре рассматриваемого общества (обществ). Некогда общепринятый, по крайней мере в странах первого мира, взгляд на общество как состоящее из классов, выделяемых на основе профессиональной принадлежности, на рубеже XX и XXI веков стал подвергаться всё большей критике как неспособный адекватно отражать существующие в современных обществах социальные различия (см., например: [Pakulski 2005; Шкаратан 2012: 167–204]).

Тем не менее на данный момент практически любое готовое к применению решение проблемы выделения социальных групп основано частично или полностью на группировке профессий (как правило, на Международной стандартной классификации занятий (МСКЗ) — International Standard Classification of Occupations (ISCO)). Хотя профессиональная принадлежность далеко не всегда мыслится как первопричина социальных различий, профессия остаётся компактным и доступным прокси-показателем социальных свойств индивида. Группировка профессий (как и любая иная классификация) может осуществляться двумя способами: (1) на основе априорных теоретических построений и (2) выводиться из анализа эмпирических данных. Второй способ выглядит более привлекательно, поскольку ограничивает как волюнтаризм теоретика, так и инерцию интеллектуальной традиции, обеспечивает непосредственное соответствие данным и явно очерчивает границы экстраполяции полученной классификации. В качестве примеров можно привести шкалу социального статуса Т. В. Чана и Дж. Голдторпа и кембриджскую шкалу (Cambridge Social Interaction and Stratification — CAMSIS) статуса [Prandy, Lambert 2003; Chan, Goldthorpe 2004; Бессуднов 2009]. Минусом при таком подходе являются необходимость повторения процедуры вывода классификации для каждого нового общества и трудность осуществления межкультурных сравнений. По этим причинам, а также ввиду конкретных недостатков имеющихся подходов¹⁰ классификации, выведенные из данных, остаются несопоставимо менее популярными, чем априорные (речь идёт об инструментальном использовании).

Среди априорных — следующих из теории — подходов наиболее популярной остаётся классовая схема Эриксона—Голдторпа и её производные (см.: [Erikson, Goldthorpe 1992]). Несмотря на огромное количество работ, ставящих под сомнение адекватность этой схемы в современных условиях, она продолжает дежурно использоваться во многих исследованиях, являясь конвенциональным способом операционализации социального положения респондента. Схема иерархична (хотя имеет не одну, а две оси иерархии), но в современных обществах вертикальное измерение, по всей видимости, недо-

¹⁰ В частности, авторам данной статьи представляется весьма сомнительным сведение профилей социальных контактов к единой оси статуса или престижа [Korotaev, Shkaratan, Gasiukova 2016].

статочно для выявления различий в области политических взглядов и действий [Oesch 2006; Caínzos, Voces 2010; Kitschelt, Rehm 2014].

Для учёта как вертикальных, так и горизонтальных различий между социальными группами для данной работы была выбрана группировка профессий, предложенная Д. Оешем [Oesch 2006]. Используемая нами версия имеет две вертикальные градации, отличающиеся уровнем квалификации (менеджеры и (полу)профессионалы, с одной стороны, и рабочие, клерки, мелкие предприниматели — с другой), и четыре горизонтальные, каждая из которых представляет собственную логику труда — предпринимательскую, техническую (от монтажника до инженера или программиста), организационную (от клерка до менеджера), связанную с межличностным взаимодействием (от помощника в магазине до преподавателя в университете) (см. табл. 3). Переменная принадлежности к одной из восьми групп была создана с помощью макроса, доступного на личном сайте Д. Оеша¹¹; там же представлен список кодов ISCO-08 для каждой из этих групп. Разумеется, к данной классификации могут быть предъявлены те же претензии, что и к любой другой априорной классификации. Она изначально была разработана и апробирована на данных стран Западной Европы, и мы не можем утверждать наверняка, что эта схема в той же степени применима и к постсоциалистическим странам, включая Россию. Данное ограничение необходимо принимать во внимание при интерпретации полученных результатов.

Таблица 3

Использованная классификация профессиональных статусов (число респондентов, %)

Логика работы	Вертикальная позиция	Профессиональный статус (класс)	Детализация, примеры профессий	Западная Европа	Центральная и Восточная Европа	Россия
Предпринимательская	Выше	Владельцы фирм, самозанятые профессионалы	Число наёмных работников > 9; профессионалы частной практики	3	1	2
	Ниже	Собственники малого бизнеса	Число наёмных работников < 10; непрофессионал	10	12	5
Техническая	Выше	Технические (полу)профессионалы	Инженеры, программисты, технические научные сотрудники	8	7	9
	Ниже	Рабочие	Рабочие в промышленности, сельскохозяйственном, лесном, рыболовном секторах, строительстве	20	31	26
Организационная	Выше	Менеджеры, администраторы	Бизнес-администраторы, менеджеры	16	12	11
	Ниже	Клерки	Секретари, банковские служащие, офисные работники	12	10	11
Межличностная	Выше	Социокультурные (полу)профессионалы	Врачи, учителя, преподаватели вузов, юристы	13	9	11
	Ниже	Работники сферы услуг	Продавцы, няни, повара, уборщики	19	19	25
<i>Итого</i>				100	100	100

Дополнительно к профессии в модель были введены наличие высшего образования, доход домохозяйства (дециль) и место проживания (большой город или пригород большого города, маленький город, сельская местность). Место проживания кодировалось на основе ответов респондента, каких-либо

¹¹ См.: <http://people.unil.ch/danieloesch/scripts/>

формальных критериев за этими оценками не стоит. К сожалению, ESS не предоставляет информации о личном доходе респондента, а также данных о типе населённого пункта в терминах численности населения или административного статуса.

Контрольные переменные

Обеспеченность финансовыми ресурсами определялась через субъективное восприятие материального положения («жить на такой доход довольно или очень трудно» = 1, иначе — 0). Обеспеченность временными ресурсами операционализировалась с помощью двух дамми-переменных, выделяющих тех, кто работает больше 50 часов в неделю, и тех, кто работает меньше 20 часов в неделю.

Для учёта степени включённости индивида в информационное пространство введена дихотомическая переменная частоты пользования Интернетом: ежедневно — 1; реже, чем каждый день — 0.

Доверие к людям является одним из признанных факторов политического участия (см., например: [Bäck, Christensen 2016]). Индекс доверия был сконструирован конвенциональным образом как среднее арифметическое ответов на три вопроса о доверии¹².

Также были введены переменные, фиксирующие социально-демографические показатели: возраст, пол, наличие детей, наличие совместно проживающего партнёра.

Описательная статистика представлена в приложении.

Результаты

Политические предпочтения

В таблице 4 представлены результаты регрессионного анализа с индексами политических предпочтений в качестве зависимых переменных для каждой из трёх выборок стран. Для удобства восприятия коэффициенты при профессиональных группах продублированы в таблицах 5, 6, 7.

Из таблицы 5 видно, что в Западной Европе социокультурные (полу)профессионалы занимают самые «левые» позиции по каждому из индексов среди всех профессиональных групп. Представители трёх других привилегированных (верхних) групп значимо не отличаются между собой ни по одному из трёх индексов. Что касается непривилегированных (нижних) групп, то принадлежность к промышленным рабочим и работникам сферы услуг является фактором, повышающим значимость для респондентов вопросов неравенства и государственной поддержки, при этом снижающим их толерантность к мигрантам (относительно группы менеджеров). Клерки и владельцы малого бизнеса отличаются только по одному из трёх индексов от менеджеров. Эти закономерности довольно прозрачно накладываются на логику двух осей — вертикальной (иерархической) и горизонтальной (отражающей содержание трудовой деятельности). Занимающие верхнее положение в целом «правее» по индексам приемлемости неравенства и поддержки социального государства и «левее» в отношении к мигрантам. По горизонтальной оси группы профессий с «межличностной» логикой работы находятся «левее» работников с «технической» логикой. Группы с организационным и предпринимательским типом работы занимают наиболее «правые» позиции по индексам неравенства и социального государства. Для отношения к мигрантам закономерности вдоль вертикальной и горизонтальной осей оказываются противоположными, что несколько размывает итоговую картину.

¹² Вопросы в анкете A4, A5, A6. Российская версия анкеты ESS: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/round8/fieldwork/russian_federation/ESS8_questionnaires_RU.pdf

Детерминанты политических предпочтений (линейные регрессии)

Таблица 4

Независимые переменные	Западная Европа			Центральная и Восточная Европа			Россия		
	Индекс 1: неравен- ство	Индекс 2: социальное государство	Индекс 3: мигранты	Индекс 1: неравен- ство	Индекс 2: социальное государство	Индекс 3: мигранты	Индекс 1: неравен- ство	Индекс 2: социальное государство	Индекс 3: мигранты
Владельцы фирм, самозанятые профессионалы ^А	0,008 (0,034)	- 0,052 (0,037)	0,073 (0,062)	- 0,224** (0,084)	- 0,134 (0,097)	0,028 (0,143)	- 0,137 (0,100)	0,178 (0,143)	- 0,235 (0,193)
Собственники малого бизнеса ^А	- 0,011 (0,021)	- 0,072** (0,023)	0,059 (0,039)	- 0,064† (0,033)	- 0,048 (0,038)	- 0,032 (0,057)	- 0,090 (0,074)	- 0,313** (0,103)	- 0,328* (0,145)
Технические (полу)профессионалы ^А	0,013 (0,021)	0,016 (0,023)	- 0,012 (0,038)	0,079* (0,035)	- 0,021 (0,040)	- 0,068 (0,060)	0,062 (0,049)	0,071 (0,069)	- 0,108 (0,097)
Рабочие ^А	0,057*** (0,018)	0,042* (0,019)	- 0,181*** (0,032)	0,099*** (0,027)	0,008 (0,032)	- 0,204*** (0,047)	0,089* (0,044)	0,068 (0,061)	- 0,167† (0,087)
Клерки ^А	0,039* (0,019)	0,017 (0,021)	0,002 (0,036)	0,031 (0,032)	0,019 (0,037)	- 0,077 (0,054)	0,018 (0,047)	- 0,007 (0,065)	- 0,076 (0,092)
Социокультурные (полу)профессионалы ^А	0,079*** (0,018)	0,048* (0,020)	0,122*** (0,034)	0,046 (0,033)	0,053 (0,038)	- 0,058 (0,057)	0,091* (0,046)	- 0,002 (0,064)	- 0,179* (0,090)
Работники сферы услуг ^А	0,046* (0,018)	0,045* (0,020)	- 0,097*** (0,033)	0,090** (0,028)	0,023 (0,033)	- 0,244*** (0,049)	0,077† (0,042)	0,045 (0,059)	- 0,119 (0,083)
Большой город ^В	0,014 (0,012)	0,007 (0,014)	0,220*** (0,023)	- 0,017 (0,018)	- 0,016 (0,021)	0,051 (0,032)	- 0,016 (0,030)	- 0,145*** (0,042)	- 0,055 (0,059)
Небольшой город ^В	0,016 (0,012)	0,001 (0,013)	0,080*** (0,022)	- 0,011 (0,018)	- 0,033 (0,021)	0,120*** (0,031)	0,000 (0,030)	- 0,086* (0,043)	- 0,026 (0,061)
Высшее образование	- 0,008 (0,015)	0,019 (0,016)	0,268*** (0,027)	- 0,090*** (0,025)	- 0,084** (0,029)	0,116** (0,043)	- 0,021 (0,027)	- 0,007 (0,038)	0,160** (0,054)
Доходы	- 0,020*** (0,002)	- 0,016*** (0,003)	0,018*** (0,004)	- 0,017*** (0,004)	- 0,010* (0,004)	0,001 (0,006)	0,000 (0,006)	- 0,001 (0,008)	0,002 (0,011)
Adjust. R ²	0,044	0,039	0,236	0,195	0,050	0,250	0,072	0,039	0,082
N	6924	6911	6894	3323	3320	3225	1345	1337	1295

Примечания:

*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$; † $p < 0,10$ (two-tailed t -tests — двусторонний t -тест).

Оценки представляют собой стандартизированные коэффициенты линейной регрессии. Стандартные ошибки оценок приведены в скобках.

^А Ответы «Менеджеры, администраторы» служили эталонными категориями.

^В Ответы «Деревня, село» служили эталонными категориями.

Контрольные переменные представлены в приложении.

Таблица 5

Политические предпочтения различных профессиональных групп Западной Европы

	Неравенство				Социальное государство				Мигранты			
	Пред.	Орг.	Техн.	Мжл.	Пред.	Орг.	Техн.	Мжл.	Пред.	Орг.	Техн.	Мжл.
Выше	~	Ref.	~	0,08	~	Ref.	~	0,05	~	Ref.	~	0,12
Ниже	~	0,04	0,06	0,05	-0,07	~	0,04	0,05	~	~	-0,18	-0,10

Примечание: в таблице указаны значимые (95%) коэффициенты.

Условные сокращения: Ref. — эталонная группа; тильдой (~) обозначен незначимый коэффициент (нет отличий от эталонной группы); Пред. — предпринимательская логика работы; Орг. — организационная логика работы; Техн. — техническая логика работы; Мжл. — межличностная логика работы.

Образование, жизнь в городе, а не в сельской местности, высокий доход делают людей более толерантными к приезжим (см. табл. 4). Высокодоходные домохозяйства не являются сторонниками редистрибуции и не нуждаются в социальной поддержке государства (отрицательный эффект на индекс «Социальное государство»).

Описанные закономерности достаточно точно соответствуют результатам предшествующих исследований, основанных исключительно или по большей части на данных стран Западной Европы (см., например: [Kitschelt, Rehm 2014]), и подтверждают логику, заложенную Д. Оешем [Oesch 2006] в его двумерную группировку профессий, что позволяет принять гипотезу 2а (Н 2а) применительно к Западной Европе: социальная позиция и политические предпочтения взаимосвязаны.

Таблица 6

Политические предпочтения различных профессиональных групп в странах Центральной и Восточной Европы

	Неравенство				Социальное государство				Мигранты			
	Пред.	Орг.	Техн.	Мжл.	Пред.	Орг.	Техн.	Мжл.	Пред.	Орг.	Техн.	Мжл.
Выше	-0,22	Ref.	0,08	~	~	Ref.	~	~	~	Ref.	~	~
Ниже	~	~	0,10	0,09	~	~	~	~	~	~	-0,20	-0,24

Примечание: в таблице указаны значимые (95%) коэффициенты.

Условные сокращения: Ref. — эталонная группа; тильдой (~) обозначен незначимый коэффициент (нет отличий от эталонной группы); Пред. — предпринимательская логика работы; Орг. — организационная логика работы; Техн. — техническая логика работы; Мжл. — межличностная логика работы.

При взгляде на результаты регрессионного анализа для стран ЦВЕ (табл. 4, 6) первое, что бросается в глаза, — значительно меньшее количество значимых коэффициентов. Для индекса «Социальное государство» ни одна из переменных профессиональной принадлежности не значима. В целом только рабочие и сервисные работники демонстрируют значимое и последовательное отличие по политическим установкам касательно неравенства и мигрантов. Как и их западноевропейские коллеги, они относительно не толерантны к приезжим и сильнее, чем представители других групп, поддерживают идею экономического равенства. При этом социокультурные (полу)профессионалы вообще ни по одному из индексов не отличаются от менеджеров, что полностью противоположно ситуации в Западной Европе. Значимым предиктором всех трёх индексов является образование. Имеющие высшее образование толерантнее к мигрантам, но в меньшей степени разделяют идеалы равенства и социального государства.

Таблица 7

Политические предпочтения различных профессиональных групп в России

	Неравенство				Социальное государство				Мигранты			
	Пред.	Орг.	Техн.	Мжл.	Пред.	Орг.	Техн.	Мжл.	Пред.	Орг.	Техн.	Мжл.
Выше	~	Ref.	~	0,09	~	Ref.	~	~	~	Ref.	~	- 0,18
Ниже	~	~	0,09	~	- 0,31	~	~	~	- 0,33	~	~	~

Примечание: в таблице указаны значимые (95%) коэффициенты.

Условные сокращения: Ref. — эталонная группа; тильдой (~) обозначен незначимый коэффициент (нет отличий от эталонной группы); Пред. — предпринимательская логика работы; Орг. — организационная логика работы; Техн. — техническая логика работы; Мжл. — межличностная логика работы.

Российская ситуация наименее прозрачна для интерпретации, значимых коэффициентов очень мало. Обращает внимание то, что социокультурные (полу)профессионалы оказались менее толерантны к мигрантам, чем большинство населения. Можно предположить, что структурные характеристики этой группы в постсоциалистических странах существенно отличаются от таковых у их западноевропейских коллег. Образование является значимым предиктором индекса толерантности к мигрантам, что верно для всех выборов.

Итак, на данных Западной Европы прослеживается связь между вертикальным измерением социальных различий (квалификация, образование, доход, степень урбанизации места проживания) и политическими предпочтениями — в целом отрицательная для установок на социальное равенство и социальное государство и положительная для индекса толерантности к приезжим. Для стран ЦВЕ и России эти связи проявляются лишь фрагментарно. Также в Западной Европе заметно влияние горизонтального измерения социальных различий: социокультурные профессионалы занимают наиболее «левые» позиции по всем индексам. Эта зависимость не значима или даже инвертирована в странах ЦВЕ и России, Гипотеза 2а (Н 2а) о связи социальной позиции и политических предпочтений может быть безоговорочно принята для Западной Европы и в определённой степени — для ЦВЕ и России.

Политическое участие

Наличие образования является значимым фактором политического участия во всех выборах (экспонента коэффициента логистической регрессии больше единицы; см. табл. 8). Жители городов реже голосуют в России и Западной Европе. Для Западной Европы и ЦВЕ значимыми являются также доход, принадлежность к группе рабочих или клерков. Социокультурные профессионалы в Западной Европе более склонны к прямой политической активности, но не к голосованию. Ни один из коэффициентов при профессиональных группах на российской выборке не значим. Таким образом, гипотеза 1 (Н 1) — социальная позиция влияет на уровень политического участия индивида — согласуется с результатами анализа для Западной Европы, в меньшей степени — для ЦВЕ и лишь отчасти — для России.

В таблице 9 представлены логистические регрессии, включающие индексы политических предпочтений. Индекс толерантности к мигрантам положительно ($exp(b) > 1$) значим для всех видов участия на всех выборах, кроме прямого участия в России. Индекс поддержки социального государства значим для прямого участия в России и ЦВЕ, но не в Западной Европе. Влияние индекса «Неравенство» положительно в Западной Европе и России, но вопреки ожиданиям отрицательно в ЦВЕ (если учитывать коэффициенты, значимые на 90%-ном уровне), Гипотеза 2b (Н 2b) о том, что идеология влияет на участие, получает подтверждение.

В таблице 10 приведён финальный этап анализа — оценка медирующего эффекта. Ожидаемо, что значимы многие эффекты в Западной Европе и лишь немногие — в ЦВЕ и России. Гипотеза 2 (Н 2) о

роли политических ориентаций как медиатора связи социального положения и интенсивности политического участия находит подтверждение для Западной Европы. Особо стоит отметить, что влияние всех значимых на уровне 95% эффектов имеет одну и ту же направленность на всех выборках и для обеих форм политического участия. Иными словами, мы не можем обнаружить эффекты, действующие в противоположных направлениях в разных странах или влияющие противоположным образом на голосование и прямое участие. Группы стран различаются по тому, какие из трёх возможных (по числу медиаторов) путей влияния независимой переменной на зависимую оказываются значимы, но не по направлению (увеличение или уменьшение) влияния, реализуемого конкретным путём. Таким образом, мы не можем принять гипотезу 3 (H3).

Таблица 8

Детерминанты политического участия (логистические регрессии, не учитывающие эффект медиации)

Независимые переменные	Западная Европа		Центральная и Восточная Европа		Россия	
	Голосование <i>Exp(b) (SE)</i>	Прямое участие <i>Exp(b) (SE)</i>	Голосование <i>Exp(b) (SE)</i>	Прямое участие <i>Exp(b) (SE)</i>	Голосование <i>Exp(b) (SE)</i>	Прямое участие <i>Exp(b) (SE)</i>
Владельцы фирм, самозанятые, профессионалы ^А	0,908 (0,316)	1,078 (0,190)	1,776 (0,539)	2,072† (0,433)	0,968 (0,545)	1,046 (0,572)
Собственники малого бизнеса ^А	0,709* (0,170)	1,083 (0,113)	0,860 (0,187)	0,932 (0,170)	1,116 (0,401)	0,739 (0,457)
Технические (полу)профессионалы ^А	0,819 (0,168)	0,937 (0,110)	1,181 (0,212)	0,852 (0,181)	1,059 (0,269)	0,989 (0,292)
Рабочие ^А	0,469*** (0,136)	0,568*** (0,091)	0,591*** (0,154)	0,479*** (0,152)	0,851 (0,237)	0,774 (0,272)
Клерки ^А	1,028 (0,158)	0,933 (0,101)	1,181 (0,179)	0,819 (0,172)	1,016 (0,252)	0,724 (0,289)
Социокультурные (полу)профессионалы ^А	1,047 (0,154)	1,351** (0,101)	1,290 (0,200)	1,086 (0,172)	1,235 (0,253)	0,928 (0,269)
Работники сферы услуг ^А	0,584*** (0,138)	0,664*** (0,093)	0,782 (0,159)	0,545*** (0,161)	0,767 (0,226)	0,526* (0,265)
Большой город ^В	0,849† (0,096)	1,009 (0,065)	1,059 (0,101)	1,171 (0,105)	0,510*** (0,165)	0,786 (0,199)
Небольшой город ^В	0,764** (0,087)	0,909 (0,062)	1,167 (0,099)	0,899 (0,107)	0,711* (0,170)	1,026 (0,200)
Высшее образование	1,426** (0,127)	1,628*** (0,084)	1,828*** (0,153)	1,830*** (0,125)	1,321† (0,151)	1,418* (0,173)
Доходы	1,097*** (0,018)	1,077*** (0,013)	1,021 (0,021)	1,064** (0,021)	0,974 (0,032)	1,045 (0,039)
Nagelkerke R ²	0,205	0,111	0,155	0,124	0,115	0,074
N	6304	6895	3253	3302	1322	1335

Примечания:

*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$; † $p < 0,10$ (two-tailed *t*-tests — двусторонний *t*-тест).

^АОтветы «Менеджеры, администраторы» служили эталонными категориями.

^ВОтветы «Деревня, село» служили эталонными категориями.

Контрольные переменные представлены в приложении (см. табл. П.1).

Таблица 9

Детерминанты политического участия с учётом эффекта медиации (логистические регрессии)

Независимые переменные	Западная Европа		Центральная и Восточная Европа		Россия	
	голосование <i>Exp(b) (SE)</i>	прямое участие <i>Exp(b) (SE)</i>	голосование <i>Exp(b) (SE)</i>	прямое участие <i>Exp(b) (SE)</i>	голосование <i>Exp(b) (SE)</i>	прямое участие <i>Exp(b) (SE)</i>
Индекс 1: неравенство	1,074 (0,093)	1,197** (0,066)	0,810* (0,100)	0,829† (0,102)	1,094 (0,159)	1,453† (0,194)
Индекс 2: социальное государство	1,032 (0,086)	0,973 (0,060)	1,040 (0,087)	0,767** (0,091)	0,902 (0,112)	0,682** (0,131)
Индекс 3: мигранты	1,305*** (0,048)	1,405*** (0,035)	1,179** (0,059)	1,383*** (0,061)	1,379*** (0,083)	1,076 (0,098)
Владельцы фирм, самозанятые профессионалы ^А	0,909 (0,318)	1,039 (0,191)	1,665 (0,537)	1,952 (0,442)	1,036 (0,561)	1,174 (0,585)
Собственники малого бизнеса ^А	0,676* (0,171)	1,061 (0,114)	0,874 (0,190)	0,949 (0,173)	1,300 (0,418)	0,695 (0,466)
Технические (полу)профессионалы ^А	0,823 (0,169)	0,932 (0,112)	1,219 (0,217)	0,894 (0,186)	1,098 (0,276)	1,000 (0,300)
Рабочие ^А	0,490*** (0,137)	0,590*** (0,092)	0,625** (0,157)	0,526*** (0,156)	0,885 (0,245)	0,796 (0,281)
Клерки ^А	1,050 (0,160)	0,931 (0,102)	1,232 (0,182)	0,842 (0,174)	1,052 (,258)	0,724 (0,297)
Социокультурные (полу)профессионалы ^А	1,027 (0,155)	1,286* (0,102)	1,362 (0,203)	1,125 (0,175)	1,399 (0,263)	0,943 (0,278)
Работники сферы услуг ^А	0,602*** (0,140)	0,678*** (0,094)	0,838 (0,163)	0,603** (0,164)	0,779 (0,233)	0,524* (0,274)
Большой город ^В	0,799* (0,098)	0,933 (0,066)	1,035 (0,104)	1,140 (0,107)	0,519 (0,172)***	0,737 (0,206)
Небольшой город ^В	0,752*** (0,088)	0,876* (0,063)	1,142 (0,102)	0,859 (0,109)	0,722 (0,176)†	0,974 (0,207)
Высшее образование	1,294* (0,128)	1,485*** (0,085)	1,777*** (0,154)	1,688*** (0,127)	1,243 (0,156)	1,402† (0,178)
Доходы	1,092*** (0,018)	1,074*** (0,013)	1,015 (0,021)	1,060** (0,022)	0,971 (0,032)	1,036 (0,039)
Nagelkerke R ²	0,213	0,131	0,163	0,138	0,131	0,087
N	6256	6840	3150	3195	1261	1275

Примечания:

*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$; † $p < 0,10$ (two-tailed *t*-tests — двусторонний *t*-тест).

^А Ответы «Менеджеры, администраторы» служили эталонными категориями.

^В Ответы «Деревня, село» служили эталонными категориями.

Контрольные переменные представлены в приложении (см. табл. П.1).

Таблица 10

Оценка эффекта медиации

Независимые переменные	Западная Европа		Центральная и Восточная Европа			Россия	
	Голосование / прямое участие ^{(a)1}		Голосование / прямое участие			Голосование / прямое участие ^{(a)1}	
	Индекс 1: неравенство	Индекс 3: мигранты	Индекс 1: неравенство	Индекс 2: социальное государство	Индекс 3: мигранты	Индекс 2: социальное государство	Индекс 3: мигранты
Владельцы фирм, самозанятые профессионалы ^A	—	—	—	—	—	—	—
Собственники малого бизнеса ^A	—	—	—	—	—	—/1,127*	0,900† / —
Технические (полу) профессионалы ^A	—	—	—	—	—	—	—
Рабочие ^A	—/1,010*	0,953*** / 0,940***	0,979† / —	—	0,967* / 0,936*	—	0,948† / —
Клерки ^A	—	—	—	—	—	—	—
Социокультурные (полу) профессионалы ^A	—/1,014*	1,033** / 1,042***	—	—	—	—	0,944† / —
Работники сферы услуг ^A	—/1,008†	0,975* / 0,968***	0,981† / —	—	0,961* / 0,924*	—	—
Большой город ^B	—	1,060*** / 1,078***	—	—	—	—/1,057*	—
Небольшой город ^B	—	1,022** / 1,028***	—	—	1,020* / 1,040*	—	—
Высшее образование	—	1,074*** / 1,095***	1,019† / —	—/1,023*	1,019† / 1,038*	—	1,053* / —
Доходы	—/0,996**	1,005*** / 1,060***	1,004† / 1,003†	—/1,003†	—	—	—

Примечания

*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$; † $p < 0,10$ (two-tailed *t*-tests — двусторонний *t*-тест).

— отсутствие значимости эффекта.

^A Ответы «Менеджеры, администраторы» служили эталонными категориями.

^B Ответы «Деревня, село» служили эталонными категориями.

В ячейках представлены оценки $Exp(ab)$, где a — коэффициенты при независимых переменных в линейной регрессии деривант индексов (1, 2, 3) политических предпочтений (см. табл. 4, рис. 1), b — коэффициенты при индексах (1, 2, 3) в логистических регрессиях (см. табл. 6, рис. 1).

^(a) В отношении индекса 2 для Западной Европы и индекса 1 для России значимых эффектов обнаружено не было.

Дискуссия и заключение

В работе был проведён анализ влияния социальной позиции индивида на его политическое участие и рассмотрена роль политических предпочтений как медиатора этого влияния. Для этого было сконструировано трёхмерное пространство политических предпочтений, первая из осей которого — индекс 1 — связана с представлениями о допустимости материального неравенства, вторая — индекс 2 — с представлениями о важности социального государства, третья — индекс 3 — со степенью толерантности к мигрантам из других стран. Было рассмотрено два типа политического участия: голосование и прямое участие, то есть участие, инициируемое гражданами, а не правительством. Анализ был проведён на трёх группах стран: Западная Европа (Австрия, Бельгия, Германия, Франция), постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы (Венгрия, Польша, Чехия) и Россия.

Для Западной Европы были получены согласующиеся с результатами предшествующих работ связи между социальной позицией, политическими предпочтениями и политическим участием. Помимо этого, была продемонстрирована статистическая значимость политических предпочтений как медиатора влияния социальной позиции на участие, что является вкладом представленной работы в литературу. Аналогичный анализ для стран ЦВЕ и России дал значительно более скромные результаты: было получено меньшее количество значимых связей, выявленные эффекты хуже поддаются интерпретации. Можно выделить несколько потенциальных причин того, почему для стран ЦВЕ и России модель работает хуже.

Во-первых, объём выборки стран Западной Европы примерно в два раза больше, чем у стран ЦВЕ, и в пять раз больше, чем у России, поэтому неудивительно, что регрессии на западноевропейских данных дают большее количество значимых коэффициентов. К сожалению, на данных ESS в настоящий момент это ограничение не может быть преодолено; в частности, мы не можем использовать данные предыдущих волн для получения большей выборки, поскольку необходимые для построения индексов политических предпочтений вопросы не были включены в опросники предыдущих лет.

Во-вторых, мы уже обращали внимание на то, что использованная схема группировки профессий может быть не вполне применима к постсоциалистическим странам. Кроме того, для России очень важен пространственный аспект: социальные границы, обусловленные местом проживания, могут быть не менее значимы, чем те, что связаны с профессией [Korotaev, Gasiukova, Shkaratan 2016]. Но упрощённая кодировка места проживания в ESS не позволяет в полной мере учесть это. Проблема разработки новых подходов к выявлению социальной структуры актуальна для России, но этот вопрос выходит далеко за рамки данной статьи.

В-третьих, мы могли бы сослаться на аморфность, недифференцированность социальной структуры, «усреднённость» ориентаций россиян [Гудков 2016], которая и является причиной незначимости большинства использованных нами показателей социальной позиции. Однако на данном этапе было бы самонадеянно выводить из факта наличия методологических ограничений какие-либо онтологические следствия.

Наконец, в-четвёртых, и этот пункт тесно связан с предыдущим, разумно ожидать, что рассматриваемые практики политического участия могут иметь различный смысл в странах с устоявшейся демократической традицией и в молодых демократиях. Даже в рамках конкретной страны отдельная практика (категория в анкете) может объединять активности, имеющие противоположный для вовлечённого актора смысл. Например, под демонстрацией может пониматься как организованное выражение несогласия с действиями правительства, попытка привлечь внимание к проблеме и добиться изменения ситуации, так и организованное сверху массовое изъявление лояльности, подкреплённое административным принуждением или материальным поощрением участников. Конечно, проблема множественности значений, скрытых под одной категорией практики, актуальна для исследователей во всех странах, но в силу ряда причин в России она является более острой.

Приверженность демократическим ценностям — неотъемлемый атрибут принадлежности к западной цивилизации и в таком качестве является значимой частью идентичности постсоциалистических государств. В то же время в России (как и в других бывших республиках Советского Союза) демократические институты остаются неукоренёнными; с точки зрения правящих групп, они — навязанное ограничение их суверенной власти [Морозов 2009: 523–576]. Население же демонстрирует безразличие к процедурной составляющей политического процесса при условии, что результат воспринимается как приемлемый (см., например: [Wilson 2012]). Как итог, демократические процедуры носят имитационный характер и вторичны по отношению к реальным политическим процессам. Государство остаётся

слитым с правящими группами, и его институты (в том числе демократические) обладают легитимностью (или теряют её) в той же степени, как и правительство [Gilley 2006]. В результате реакцией населения на нелегитимное правительство является не активное сопротивление через каналы институционализированного или неинституционализированного политического участия как форма обратной связи — «голоса», по Хиршману, — но пассивный «уход» из дискредитированной сферы политического [Гельман 2012].

Одним из центральных для данной работы является вопрос о том, действительно ли мы можем утверждать, что механизмы, связывающие политические ориентации с политическим участием или социальную позицию с политическим участием, различаются по своей направленности между рассматриваемыми группами стран (гипотезы 3 (H 3) и 3' (H 3')). Нам не удалось обнаружить противонаправленных в разных группах стран связей, но нельзя сказать, что характер связей между социальной позицией и политическими ориентациями и политическим участием универсален. Некоторые систематические различия могут быть отмечены.

Первое: убеждённость в необходимости социального государства — значимый в России и ЦВЕ предиктор прямого политического участия, но при этом он не значим для западноевропейской выборки (см. табл. 6). Неожиданным является и то, что бóльшая приверженность идеям государства всеобщего благосостояния (*welfare state*) связана с меньшей вероятностью политического участия, хотя согласно господствующей теории (см.: [Hout et al. 2018]) (и это верно для двух других индексов) более «левые» позиции сочетаются с большей готовностью к участию. Можно предположить, что надежда на социальное государство связана с патерналистскими ориентациями и, как следствие, с отсутствием ощущения личной ответственности за ситуацию в стране. Интересно, что значение этого индекса практически не зависит от принадлежности к какой-либо профессиональной группе на выборах ЦВЕ и России (см. табл. 4).

Второе: социокультурные профессионалы, которые традиционно воспринимаются как борцы за равноправие и справедливость, носители прогрессивных «левых» идей, и, согласно нашему анализу и предшествующим работам (см., например: [Kitschelt, Rehm 2014]), действительно значимо отличаются и по идеологической позиции, и по уровню прямого политического участия от других групп на данных западноевропейских стран, в ЦВЕ и России практически не выделяются по этим показателям на фоне других (полу)профессионалов. Мы можем предположить, что в России и ЦВЕ эти люди занимают иную позицию в социальной структуре, чем в Западной Европе. Так, в России большинство из этих людей — учителя, врачи, преподаватели вузов — являются так называемыми бюджетниками. Подчинённость бюрократическим структурам и зависимость от руководства могли быть причиной выработки у этих людей конформистского консервативного мировоззрения (см., например: [Гудков 2012]).

Приложение

Таблица П.1

Описательная статистика

Переменные	Западная Европа		Центральная и Восточная Европа		Россия	
	<i>N</i>	Среднее значение (стандартное отклонение) или доля (%)	<i>N</i>	Среднее значение (стандартное отклонение) или доля (%)	<i>N</i>	Среднее значение (стандартное отклонение) или доля (%)
Голосование	7617	82,6	5158	67,6	2300	56,5
Прямое участие	8645	56,3	5519	22,5	2395	18,5
Индекс 1: неравенство (0–2)	8681	1,37 (0,42)	5550	1,27 (0,47)	2403	1,37 (0,41)
Индекс 2: социальное государство (0–3)	8661	2,20 (0,47)	5549	2,22 (0,51)	2404	2,23 (0,60)
Индекс 3: мигранты (0–4)	8618	2,10 (0,87)	5307	1,55 (0,82)	2290	1,47 (0,80)
Владельцы фирм, самозанятые профессионалы	8015	2,5	4891	1,3	2136	1,6
Собственники малого бизнеса	8015	9,7	4891	11,7	2136	5,0
Технические (полу)профессионалы	8015	8,2	4891	6,8	2136	8,9
Рабочие	8015	20,3	4891	30,7	2136	25,8
Менеджеры, администраторы	8015	15,6	4891	11,9	2136	11,4
Клерки	8015	11,8	4891	10,0	2136	11,3
Социокультурные (полу)профессионалы	8015	12,7	4891	8,6	2136	11,3
Работники сферы услуг	8015	19,1	4891	19,2	2136	24,7
Большой город	8697	28,1	5570	30,5	2422	44,1
Небольшой город	8697	31,0	5570	34,0	2422	32,8
Сельская местность	8697	41,0	5570	35,5	2422	23,1
Высшее образование	8656	15,2	5567	12,3	2430	33,1
Доходы (1–10)	7623	5,38 (2,67)	4027	5,13 (2,73)	1883	5,19 (2,72)
Работает менее 20 час. в неделю	7943	7,7	4579	2,9	1705	3,4
Работает более 50 час. в неделю	7943	10,9	4579	12,3	1705	12,7
Использует Интернет каждый день	8698	60,8	5577	47,4	2430	42,0
Тяжело жить на текущий доход	8698	14,0	5577	27,6	2430	50,0
Женщина	8698	51,2	5575	53,7	2430	57,3
Есть дети	8698	32,0	5577	31,3	2430	33,5
Проживает с партнёром	8698	58,8	5577	56,7	2430	47,0
Доверие (0–3)	8680	1,63 (0,52)	5487	1,42 (0,56)	2361	1,44 (0,57)
Возраст (полных лет)	8685	49,4 (18,5)	5575	47,8 (18,1)	2430	46,7 (18)
Австрия	8698	23,1				
Бельгия	8698	20,3				
Германия	8698	32,8				
Франция	8698	23,8				
Польша			5577	30,4		
Венгрия			5577	28,9		
Чехия			5577	40,7		

Таблица П.2

Детерминанты политических предпочтений (контрольные переменные)

Независимые переменные	Западная Европа			Центральная и Восточная Европа			Россия		
	Индекс 1: неравенство	Индекс 2: социальное государство	Индекс 3: мигранты	Индекс 1: неравенство	Индекс 2: социальное государство	Индекс 3: мигранты	Индекс 1: неравенство	Индекс 2: социальное государство	Индекс 3: мигранты
	<i>B (SE)</i>	<i>B (SE)</i>	<i>B (SE)</i>	<i>B (SE)</i>	<i>B (SE)</i>	<i>B (SE)</i>	<i>B (SE)</i>	<i>B (SE)</i>	<i>B (SE)</i>
Работает менее 20 час. в неделю	0,003 (0,019)	-0,054** (0,021)	0,076 (0,035)*	-0,021 (0,045)	-0,130* (0,052)	-0,055 (0,077)	0,073 (0,061)	-0,028 (0,087)	0,207† (0,122)
Работает более 50 час. в неделю	-0,067*** (0,017)	-0,036 (0,019)†	-0,074 (0,031)*	0,005 (0,023)	0,017 (0,026)	-0,031 (0,039)	-0,003 (0,033)	-0,064 (0,047)	0,045 (0,066)
Тяжело жить на текущий доход	0,060*** (0,016)	0,061*** (0,017)	-0,171*** (0,029)	0,074*** (0,019)	0,121*** (0,022)	-0,141*** (0,033)	0,078** (0,025)	0,103** (0,035)	-0,225*** (0,049)
Использует Интернет каждый день	-0,028* (0,012)	-0,010 (0,013)	0,066** (0,022)	-0,085*** (0,018)	-0,017 (0,020)	-0,014 (0,030)	-0,044 (0,027)	-0,022 (0,038)	0,091† (0,054)
Доверие (0-3)	-0,002 (0,010)	0,046*** (0,011)	0,464*** (0,018)	-0,013 (0,014)	0,028† (0,016)	0,302*** (0,024)	-0,083*** (0,019)	-0,035 (0,027)	0,253*** (0,038)
Есть дети	-0,020† (0,012)	0,000 (0,013)	-0,031 (0,021)	0,022 (0,018)	0,036† (0,020)	0,022 (0,030)	0,000 (0,025)	0,002 (0,035)	-0,008 (0,050)
Женщина	0,030** (0,011)	0,024 (0,012)*	-0,046 (0,020)*	0,045** (0,017)	0,028 (0,020)	0,026 (0,030)	0,004 (0,026)	0,041 (0,037)	-0,076 (0,052)
Проживает с партнёром	0,048*** (0,012)	0,028 (0,013)*	-0,068** (0,022)	0,016 (0,017)	0,008 (0,020)	-0,013 (0,030)	0,038 (0,025)	0,034 (0,036)	-0,137** (0,050)
Возраст (полных лет)	0,001* (0,000)	0,000 (0,000)	-0,004*** (0,001)	0,000 (0,001)	0,001* (0,001)	-0,003*** (0,001)	0,004*** (0,001)	0,002 (0,001)	-0,002 (0,002)
Чехия ^А				-0,261*** (0,018)	0,027 (0,021)	-0,689*** (0,031)			
Венгрия ^А				0,075*** (0,021)	-0,146*** (0,024)	-0,757*** (0,036)			
Австрия ^Б	0,065*** (0,015)	0,158*** (0,017)	-0,314*** (0,028)						
Бельгия ^Б	0,026† (0,015)	0,036** (0,016)	0,066** (0,027)						
Германия ^Б	0,011 (0,013)	0,088*** (0,015)	0,137*** (0,025)						

Примечания:

*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$; † $p < 0,10$ (двусторонний t -тест).

^А Польша служила эталонной категорией.

^Б Франция служила эталонной категорией.

Таблица П.3

Детерминанты политического участия (контрольные переменные)

Независимые переменные	Западная Европа		Центральная и Восточная Европа		Россия	
	Голосование	Прямое участие	Голосование	Прямое участие	Голосование	Прямое участие
	<i>Exp(b) (SE)</i>	<i>Exp(b) (SE)</i>	<i>Exp(b) (SE)</i>	<i>Exp(b) (SE)</i>	<i>Exp(b) (SE)</i>	<i>Exp(b) (SE)</i>
Работает менее 20 час. в неделю	1,266 (0,158)	1,296** (0,101)	1,674† (0,276)	1,225 (0,242)	0,936 (0,344)	1,380 (0,392)
Работает более 50 час. в неделю	1,051 (0,135)	1,032 (0,089)	0,727** (0,122)	1,149 (0,126)	0,909 (0,181)	1,267 (0,212)
Тяжело жить на текущий доход	0,737** (0,102)	1,107 (0,079)	0,850 (0,102)	1,194 (0,113)	0,750* (0,136)	1,263 (0,163)
Использует Интернет каждый день	1,336*** (0,089)	1,497*** (0,062)	1,356** (0,097)	1,141 (0,100)	1,026 (0,148)	2,013*** (0,178)
Доверие (0–3)	1,485*** (0,073)	1,160** (0,052)	1,348*** (0,075)	1,179* (0,081)	1,381*** (0,104)	1,136 (0,126)
Есть дети	0,992 (0,087)	0,958 (0,061)	1,089 (0,098)	0,942 (0,101)	1,151 (0,137)	0,899 (0,164)
Женщина	0,782** (0,081)	0,880 (0,056)*	0,673*** (0,095)	0,719*** (0,099)	1,080 (0,143)	1,189 (0,174)
Проживает с партнёром	1,008 (0,089)	0,959 (0,062)	1,327** (0,095)	1,137 (0,102)	1,389* (0,140)	1,161 (0,169)
Возраст (полных лет)	1,034*** (0,003)	1,003 (0,002)	1,035*** (0,003)	0,999 (0,003)	1,028*** (0,004)	1,004 (0,005)
Чехия ^А			0,446*** (0,102)	1,204† (0,101)		
Венгрия ^А			1,001 (0,121)	0,581*** (0,135)		
Австрия ^Б	4,234*** (0,110)	0,957 (0,078)				
Бельгия ^Б	6,227*** (0,124)	0,789** (0,076)				
Германия ^Б	2,844*** (0,091)	1,475*** (0,070)				

Примечания:

*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$; † $p < 0,10$ (двусторонний т-тест).

^А Польша служила эталонной категорией.

^Б Франция служила эталонной категорией.

Таблица П.4

**Детерминанты политического участия с учётом эффекта медиации
(контрольные переменные)**

Независимые переменные	Западная Европа		Центральная и Восточная Европа		Россия	
	Голосование	Прямое участие	Голосование	Прямое участие	Голосование	Прямое участие
	<i>Exp(b) (SE)</i>	<i>Exp(b) (SE)</i>	<i>Exp(b) (SE)</i>	<i>Exp(b) (SE)</i>	<i>Exp(b) (SE)</i>	<i>Exp(b) (SE)</i>
Работает менее 20 час. в неделю	1,244 (0,159)	1,272* (0,102)	1,783* (0,281)	1,172 (0,248)	0,838 (0,358)	1,266 (0,414)
Работает более 50 час. в неделю	1,073 (0,136)	1,089 (0,091)	0,727* (0,125)	1,188 (0,129)	0,897 (0,187)	1,251 (0,217)
Тяжело жить на текущий доход	0,769* (0,104)	1,168† (0,081)	0,887 (0,106)	1,367** (0,116)	0,813 (0,141)	1,268 (0,169)
Использует Интернет каждый день	1,318** (0,091)	1,480*** (0,062)	1,335** (0,099)	1,144 (0,102)	0,990 (0,153)	2,094*** (0,184)
Доверие (0–3)	1,325*** (0,077)	1,003 (0,055)	1,286*** (0,079)	1,088 (0,085)	1,282* (0,111)	1,144 (0,134)
Есть дети	1,010 (0,088)	0,961 (0,062)	1,112 (0,100)	0,926 (0,103)	1,138 (0,141)	0,917 (0,168)
Женщина	0,789** (0,082)	0,891* (0,057)	0,654*** (0,098)	0,742** (0,102)	1,090 (0,148)	1,183 (0,180)
Проживает с партнёром	1,036 (0,090)	0,971 (0,063)	1,312** (0,097)	1,133 (0,104)	1,485** (0,144)	1,181 (0,174)
Возраст (полных лет)	1,035*** (0,003)	1,004* (0,002)	1,036*** (0,003)	1,002 (0,003)	1,028*** (0,005)	1,005 (0,006)
Чехия ^А			0,473*** (0,115)	1,431** (0,116)		
Венгрия ^А			1,227 (0,135)	0,746* (0,146)		
Австрия ^Б	4,584*** (0,114)	1,057 (0,080)				
Бельгия ^Б	6,218*** (0,125)	0,77*** (0,077)				
Германия ^Б	2,754*** (0,092)	1,437*** (0,071)				

Примечания:

*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$; † $p < 0,10$ (двусторонний т-тест).

^А Польша служила эталонной категорией.

^Б Франция служила эталонной категорией.

Литература

Андреев А. В. 2017. Представления о справедливости и экономическое неравенство в сравнительном межстрановом контексте. *Общественные науки и современность*. 5: 18–30.

Бессуднов А. Р. 2009. Социально-профессиональный статус в современной России. *Мир России. Социология. Этнология*. 18 (2): 89–115.

Бурдье П. 1993. Политические позиции и культурный капитал. В кн.: Бурдье П. *Социология политики*. М.: Socio-Logos; 98–162.

- Воробьева И. В. 2016. Противоречия и парадоксы политических ориентаций в структуре жизненного мира россиян. *Социологические исследования*, 1: 17–26.
- Гельман В. Я. 2012. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России. *Журнал политической философии и социологии политики. Полития. Анализ, Хроника. Прогноз*, 67 (4): 65–88.
- Гудков Л. Д. 2012. Социальный капитал и идеологические ориентации. *Pro et contra*. 16 (3): 6–31.
- Гудков Л. Д. 2016. Парадоксы социальной структуры в России. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 122 (1–2): 95–125.
- Данилова Е. Н. 2018. Трансформации социальной политики и дискурса социальной справедливости в России. *Мир России. Социология. Этнология*. 27 (2): 36–61.
- Морозов В. Е. 2009. *Россия и другие: идентичность и границы политического сообщества*. М.: Новое литературное обозрение.
- Шкаратан О. И. 2012. *Социальное неравенство. Теория и реальность*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Albanese G., Blasio G. de. 2014. Who Trusts Others More? A Cross-European Study. *Empirica*. 41 (4): 803–820.
- Anderson C. J., Mendes S. M. 2006. Learning to Lose: Election Outcomes, Democratic Experience and Political Protest Potential. *British Journal of Political Science*. 36 (1): 91–111.
- Aspelund A., Lindeman M., Verkasalo M. 2013. Political Conservatism and Left–Right Orientation in 28 Eastern and Western European Countries. *Political Psychology*. 34 (3): 409–417.
- Bäck M., Christensen H. S. 2016. When Trust Matters — A Multilevel Analysis of the Effect of Generalized Trust on Political Participation in 25 European Democracies. *Journal of Civil Society*. 12 (2): 178–197.
- Bauer P. C. et al. 2017. Is the Left-Right Scale a Valid Measure of Ideology? *Political Behavior*. 39 (3): 553–583.
- Bengtsson Å., Christensen H. 2014. Ideals and Actions: Do Citizens' Patterns of Political Participation Correspond to Their Conceptions of Democracy? *Government and Opposition*. 51 (2): 234–260.
- Bengtsson M., Kock S. 2014. Coopetition — Quo vadis? Past Accomplishments and Future Challenges. *Industrial Marketing Management*. 43 (2): 180–188.
- Bennett T. et al. 2009. *Culture, Class, Distinction*. London: Routledge.
- Berezin M. 1997. Politics and Culture: A Less Fissured Terrain. *Annual Review of Sociology*. 23 (1): 361–383.
- Bourdieu P. 1984. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Caínzos M., Voces C. 2010. Class Inequalities in Political Participation and the 'Death of Class' Debate. *International Sociology*. 25 (3): 383–418.

- Carney D. R. et al. 2008. The Secret Lives of Liberals and Conservatives: Personality Profiles, Interaction Styles, and the Things They Leave Behind. *Political Psychology*. 29 (6): 807–840.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. 2004. Is There a Status Order in Contemporary British Society? Evidence from the Occupational Structure of Friendship. *European Sociological Review*. 20 (5): 383–401.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. 2007. Social Status and Newspaper Readership. *American Journal of Sociology*. 112 (4): 1095–1134.
- Christensen H. S. 2017. Knowing and Distrusting: How Political Trust and Knowledge Shape Direct-Democratic Participation. *European Societies*. 20 (4): 572–594.
- Dalton R. J. 2008. Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation. *Political Studies*. 56 (1): 76–98.
- Dalton R. J. 2017. *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Demetriou K. N. (ed.) 2013. *Democracy in Transition Political Participation in the European Union*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag.
- Deth J. W. van. 2015. Political Participation. In: *The International Encyclopedia of Political Communication: 3 vols. Vol. 2: Political Communication*. 1st ed. Hoboken, NJ: Wiley Blackwell; 1–12.
- Ejrnæs A. 2017. Deprivation and Non-Institutional Political Participation: Analyzing the Relationship between Deprivation, Institutional Trust and Political Activism in Europe. *European Politics and Society*. 18 (4): 428–445.
- Erikson R. S. 2015. Income Inequality and Policy Responsiveness. *Annual Review of Political Science*. 18: 11–29.
- Erikson R., Goldthorpe J. 1992. *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies*. Oxford: Clarendon Press.
- Feldman S., Johnston C. 2014. Understanding the Determinants of Political Ideology: Implications of Structural Complexity. *Political Psychology*. 35 (3): 337–358.
- Gherghina S., Geissel B. 2017. Linking Democratic Preferences and Political Participation: Evidence from Germany. *Political Studies*. 65 (1_suppl.): 24–42.
- Gilley B. 2006. The Determinants of State Legitimacy: Results for 72 Countries. *International Political Science Review*. 27 (1): 47–71.
- Harrits G. S. 2013. Class, Culture and Politics: On the Relevance of a Bourdieusian Concept of Class in Political Sociology. *The Sociological Review*. 61 (1): 172–202.
- Hayes A. F. 2018. *Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach*. 2nd ed. London: Guilford Press.

- Hibbing J. R., Theiss-Morse E. 2004. *Stealth Democracy: Americans' Beliefs about How Government Should Work*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hooghe M., Marien S. 2013. A Comparative Analysis of the Relation between Political Trust and Forms of Political Participation in Europe. *European Societies*. 15 (1): 131–152.
- Hoyt C. L. et al. 2018. Wealth Inequality and Activism: Perceiving Injustice Galvanizes Social Change but Perceptions Depend on Political Ideologies. *European Journal of Social Psychology*. 48 (1): 81–90.
- Iacobucci D. 2012. Mediation Analysis and Categorical Variables: The Final Frontier. *Journal of Consumer Psychology*. 22 (4): 582–594.
- Kitschelt H., Rehm P. 2014. Occupations as a Site of Political Preference Formation. *Comparative Political Studies*. 47 (12): 1670–1706.
- Kohn M. L. 2001. Job Complexity and Adult Personality. In: Grusky D. B. (ed.). *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. Boulder, CO: Westview Press; 193–210.
- Koivula A., Saarinen A., Räsänen P. 2017. Political Party Preference and Social Trust in Four Nordic Countries. *Comparative European Politics*. 15 (6): 1030–1051.
- Korotaev S., Shkaratan O., Gasiukova E. 2016. Some Notes on the Issue of Social Stratification in Russia: Lifestyle Aspect. *Philosophiya sotsiologiya*. 27 (4): 277–291.
- Lamprianou I. 2013. Contemporary Political Participation Research: A Critical Assessment. In: Demetriou K. N. (ed.) (2012) *Democracy in Transition*. Berlin; Heidelberg: Springer Science & Business Media; 21–42.
- Laurison D. 2015. The Willingness to State an Opinion: Inequality, Don't Know Responses, and Political Participation. *Sociological Forum*. 30 (4): 925–948.
- Lee S. 2016. Common Good. *Encyclopedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/common-good>
- Leighley J. E. 1995. Attitudes, Opportunities and Incentives: A Field Essay on Political Participation. *Political Research Quarterly*. 48 (1): 181–209.
- MacKinnon D. P. 2008. *Introduction to Statistical Mediation Analysis*. New York: Lawrence Erlbaum Associates.
- Madalozzo R. C., Chebib A. M. 2017. Political Preferences and Individual Choice: A Latin American's Countries Perspective. *Revista de Sociologia e Política*. 25 (63): 3–25.
- Marx P., Nguyen C. G. 2018. Political Participation in European Welfare States: Does Social Investment Matter? *Journal of European Public Policy*. 25 (6): 912–943.
- Mayda A. M. 2006. Who is Against Immigration? A Cross-Country Investigation of Individual Attitudes toward Immigrants. *The Review of Economics and Statistics*, 88 (3): 510–530.
- Meer T. W. G. van der, Deth J. W. van, Scheepers P. L. H. 2009. The Politicized Participant: Ideology and Political Action in 20 Democracies. *Comparative Political Studies*. 42 (11): 1426–1457.

- Moor J. de 2015. External Efficacy and Political Participation Revisited: The Role of Perceived Output Structures for State- and Non-State-Oriented Action Forms. *Parliamentary Affairs*. 69 (3): 642–662.
- Morrell M. E. 2003. Survey and Experimental Evidence for a Reliable and Valid Measure of Internal Political Efficacy. *The Public Opinion Quarterly*. 67 (4): 589–602.
- Oesch D. 2006. Coming to Grips with a Changing Class Structure: An Analysis of Employment Stratification in Britain, Germany, Sweden and Switzerland. *International Sociology*. 21 (2): 263–288.
- Owens L. A., Pedulla D. S. 2014. Material Welfare and Changing Political Preferences: The Case of Support for Redistributive Social Policies. *Social Forces*. 92 (3): 1087–1113.
- Paas T., Demidova O. 2014. What Explains People's Attitudes towards Immigrants? A Comparative Study of Estonia and Russia. *The University of Tartu Faculty of Economics and Business Administration Working Paper*. No. 94. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2433974
- Pacheco G., Lange T. 2010. Political Participation and Life Satisfaction: A Cross-European Analysis, *International Journal of Social Economics*. 37 (9): 686–702.
- Pakulski J. 2005. Foundations of a Post-Class Analysis. In: Wright E. O. (ed.). *Approaches to Class Analysis*, Cambridge: Cambridge University Press; 152–179.
- Piven F. F., Cloward R. A. 2000. *Why Americans Still Don't Vote and Why Politicians Want It That Way*. Boston: Beacon Press.
- Prandy K., Lambert P. 2003. Marriage, Social Distance and the Social Space: An Alternative Derivation and Validation of the Cambridge Scale. *Sociology*. 37 (3): 397–411.
- Quintelier E. 2015. Engaging Adolescents in Politics: The Longitudinal Effect of Political Socialization Agents. *Youth & Society*. 47 (1): 51–69.
- Quintelier E., Deth J. W. van. 2014. Supporting Democracy: Political Participation and Political Attitudes, Exploring Causality Using Panel Data. *Political Studies*. 62 (1_suppl.): 153–171.
- Quintelier E., Hooghe M. 2013. Do All Associations Lead to Lower Levels of Ethnocentrism? A Two-Year Longitudinal Test of the Selection and Adaptation Model. *Political Behavior*. 35 (2): 289–309.
- Schlozman K. L., Verba S., Brady H. E. 2012. *The Unheavenly Chorus: Unequal Political Voice and the Broken Promise of American Democracy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Smyth R. 2012. Political Preferences and Party Development in Post-Communist States. *Demokratizatsiya*, 20 (2): 113–132.
- Solon G., Haider S. J., Wooldridge J. M. 2015. What are We Waiting for? *Journal of Human Resources*. 50 (2): 301–316.
- Straughn J. B., Andriot A. L. 2011. Education, Civic Patriotism, and Democratic Citizenship: Unpacking the Education Effect on Political Involvement. *Sociological Forum*. 26 (3): 556–580.

- Swartz D. L. 2006. Pierre Bourdieu and North American Political Sociology: Why He doesn't Fit in but Should. *French Politics*. 4 (1): 84–99.
- Treier S., Hillygus D. S. 2009. The Nature of Political Ideology in the Contemporary Electorate. *Public Opinion Quarterly*. 73 (4): 679–703.
- Turper S., Aarts K. 2017. Political Trust and Sophistication: Taking Measurement Seriously. *Social Indicators Research*. 130 (1): 415–434.
- Verba S., Schlozman K. L., Brady H. E. 1995. *Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Politics*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Visser M. et al. 2014. Support for Radical Left Ideologies in Europe. *European Journal of Political Research*, 53 (3): 541–558.
- Wallace C., Pichler F. 2009. More Participation, Happier Society? A Comparative Study of Civil Society and the Quality of Life. *Social Indicators Research*. 93 (2): 255–274.
- Welzel C., Inglehart R., Deutsch F. 2005. Social Capital, Voluntary Associations and Collective Action: Which Aspects of Social Capital Have the Greatest 'Civic' Payoff? *Journal of Civil Society*. 1 (2): 121–146.
- Wilson K. 2012. How Russians View Electoral Fairness: A Qualitative Analysis. *Europe-Asia Studies*. 64 (1): 145–168.
- Winship C., Radbill L. 1994. Sampling Weights and Regression Analysis. *Sociological Methods & Research*. 23 (2): 230–257.
- Zaheer L. 2016. Effects of Watching Political Talk Shows on Political Efficacy and Political Participation. *Journal of Political Studies*. 23 (2): 357–372.

BEYOND BORDERS

Sergey Korotaev, Elena Gasiukova

The Social Differences and Political Participation: The Mediating Effect of Ideological Position

GASIUKOVA, Elena N. —

Trainee Researcher of the Laboratory for Comparative Analysis of Development in Post-Socialist Countries, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russian Federation.

Email: egasyukova@hse.ru.

KOROTAEV, Sergey A. —

Research Fellow of the Laboratory for Comparative Analysis of Development in Post-Socialist Countries, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russian Federation.

Email: skorotaev@hse.ru

Abstract

The article considers ideological orientation as a mediator of social position influence on political participation. There is a significant number of works in the literature today that examine each of the chains of this relationship separately (the influence of social position on political preferences, the impact of political preferences on political participation). However, the role of political preference as a mediator of the influence of social position on political participation has not been studied. The current work contributes to the development of this approach by applying a model of mediation effect. The model consists of three variables: dependent (political participation), independent (social position), and mediator variable (political preferences). In order to construct the corresponding regressions and assess significances, the authors constructed a three-dimensional space of political preferences: the first axis is associated with the ideas of the agreement about material inequality, the second axis is the ideas about the importance of a welfare state, and the third axis is the degree of tolerance for migrants. Two types of political participation were considered with respect to the dependent variable: voting and direct participation initiated by citizens rather than by government. The study examined data from the 8th wave of the European Social Survey (2016), and the analysis was carried out on three groups of countries: Western Europe (Belgium, Austria, Germany, France), post-socialist countries of Central Europe (Czech Republic, Hungary, Poland), and Russia. The results reveal the statistical significance of political preferences as a mediator of the influence of social position on political participation; meanwhile, the direction of influence was nearly the same for the three

groups of countries. The differences between the states were in the (non-)significance of the coefficients themselves. As a whole, it may be concluded that in relation to Western countries, the obtained patterns correspond quite accurately to the present views in the literature; the impact of social position on political participation in post-socialist countries (including Russia) is less significant, as only a few social differences are manifested in the political sphere.

Keywords: mediation; political orientations; ideological position; political participation; social differences; post-socialist countries; Russia.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant no 16-18-10270.

References

- Albanese G., de Blasio G. (2014) Who Trusts Others More? Across-European Study. *Empirica*, vol. 41, no 4, pp. 803–820.
- An W., Ye M. (2017) Mind the Gap: Disparity in Redistributive Preference between Political Elites and the Public in China. *European Journal of Political Economy*, vol. 50, pp. 75–91.
- Anderson C. J., Mendes S. M. (2006) Learning to Lose: Election Outcomes, Democratic Experience and Political Protest Potential. *British Journal of Political Science*, vol. 36, no 1, pp. 91–111.
- Andreenkova A. V. (2017) Predstavleniya o spravedlivosti i ekonomicheskoe neravenstvo v sravnitel'nom mezhstranovom kontexte [The Attitudes about Fairness and Economic Inequality in the Comparative International Context]. *Obschestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*, no 5, pp. 18–30 (in Russian).
- Aspelund A., Lindeman M., Verkasalo M. (2013) Political Conservatism and Left-Right Orientation in 28 Eastern and Western European Countries. *Political Psychology*, vol. 34, no 3, pp. 409–417.
- Bäck M., Christensen H. S. (2016) When Trust Matters — A Multilevel Analysis of the Effect of Generalized Trust on Political Participation in 25 European Democracies. *Journal of Civil Society*, vol. 12, no 2, pp. 178–197.
- Bauer P. C., Barberá P., Ackermann K., Venetz A. (2017) Is the Left-Right Scale a Valid Measure of Ideology? *Political Behavior*, vol. 39, no 3, pp. 553–583.
- Bengtsson Å., Christensen H. (2016) Ideals and Actions: Do Citizens' Patterns of Political Participation Correspond to Their Conceptions of Democracy? *Government and Opposition*, vol. 51, no 2, pp. 234–260.
- Bengtsson M., Kock S. (2014) Coopetition — Quo vadis? Past Accomplishments and Future Challenges. *Industrial Marketing Management*, vol. 43, no 2, pp. 180–188.
- Bennett T., Savage M., Silva E. B., Warde A., Gayo-Cal M., Wright D. (2009) *Culture, Class, Distinction*, London: Routledge.
- Berezin M. (1997) Politics and Culture: A Less Fissured Terrain. *Annual Review of Sociology*, vol. 23, no 1, pp. 361–383.
- Bessudnov A. R. (2009) Sotsialno-professionalniy status v Rossii [The Socio-Professional Status in Modern Russia]. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya = Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 18, no 2, pp. 89–115 (in Russian).
- Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bourdieu P. (1993) Politicheskie pozitsii i kulturniy kapital [Political Positions and Cultural Capital]. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics], Moscow: Socio-Logos, pp. 98–162 (in Russian).

- Caínzos M., Voces C. (2010) Class Inequalities in Political Participation and the 'Death of Class' Debate. *International Sociology*, vol. 25, no 3, pp. 383–418.
- Carney D. R., Jost J. T., Goslin S. D., Potter J. (2008) The Secret Lives of Liberals and Conservatives: Personality Profiles, Interaction Styles, and the Things They Leave Behind. *Political Psychology*, vol. 29, no 6, pp. 807–840.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. (2004) Is There a Status Order in Contemporary British Society? Evidence from the Occupational Structure of Friendship. *European Sociological Review*, vol. 20, no 5, pp. 383–401.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. (2007) Social Status and Newspaper Readership. *American Journal of Sociology*, vol. 112, no 4, pp. 1095–1134.
- Christensen H. S. (2017) Knowing and Distrusting: How Political Trust and Knowledge Shape Direct-Democratic Participation. *European Societies*, vol. 20, no 4, pp. 572–594.
- Dalton R. J. (2008) Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation. *Political Studies*, vol. 56, no 1, pp. 76–98.
- Dalton R. J. (2017) *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*, Oxford, UK: Oxford University Press.
- Danilova E. N. (2018) Transformatsia sotsialnoy politiki i diskursa sotsialnoy spravedlivosti v Rossii [The Transformation of Social Policy and Discourse of Social Fairness in Russia]. *Mir Rossii. Sociologiya. Ethnologiya = Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 27, no 2, pp. 36–61 (in Russian).
- De Moor J. (2015) External Efficacy and Political Participation Revisited: The Role of Perceived Output Structures for State-and Non-state-oriented Action Forms. *Parliamentary Affairs*, vol. 69, no 3, pp. 642–662.
- Demetriou K. N. (ed.) (2013) *Democracy in Transition Political Participation in the European Union*, Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag.
- Ejrnæs A. (2017) Deprivation and Non-institutional Political Participation: Analyzing the Relationship between Deprivation, Institutional Trust and Political Activism in Europe. *European Politics and Society*, vol. 18, no 4, pp. 428–445.
- Erikson R. S. (2015) Income Inequality and Policy Responsiveness. *Annual Review of Political Science*, vol. 18, pp. 11–29.
- Erikson R., Goldthorpe J. (1992) *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies*, Oxford: Clarendon Press.
- Feldman S., Johnston C. (2014) Understanding the Determinants of Political Ideology: Implications of Structural Complexity. *Political Psychology*, vol. 35, no 3, pp. 337–358.
- Gel'man V. Y. (2012) Rastsvet i upadok elektoral'nogo avtoritarizma v Rossii [The Rise and Fall of Electoral Authoritarianism in Russia]. *Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki. Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz = The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, vol. 67, no 4, pp. 65–88 (in Russian).

- Gherghina S., Geissel B. (2017) Linking Democratic Preferences and Political Participation: Evidence from Germany. *Political Studies*, vol. 65, no 1_suppl., pp. 24–42.
- Gilley B. (2006) The Determinants of State Legitimacy: Results for 72 Countries. *International Political Science Review*, vol. 27, no 1, pp. 47–71.
- Gudkov L. D. (2012) Socialniy capital i ideologicheskie orientacii [The Social Capital and Ideological Orientations]. *Pro et contra*, vol. 16, no 3, pp. 6–31 (in Russian).
- Gudkov L. D. (2016) Paradoksy sotsialnoy struktury v Rossii [The Paradoxes of the Social Structure in Russia]. *Vestnik obschestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii = The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*, vol. 122, no 1–2, pp. 95–125 (in Russian).
- Harriss G. S. (2013) Class, Culture and Politics: on the Relevance of a Bourdieusian Concept of Class in Political Sociology. *The Sociological Review*, vol. 61, no 1, pp. 172–202.
- Hayes A. F. (2018) *Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach*, London: Guilford Press.
- Hibbing J. R., Theiss-Morse E. (2004) *Stealth Democracy: Americans' Beliefs about How Government Should Work*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hooghe M., Marien S. (2013) A Comparative Analysis of the Relation between Political Trust and Forms of Political Participation in Europe. *European Societies*, vol. 15, no 1, pp. 131–152.
- Hoyt C. L., Moss A. J., Burnette J. L., Schieffelin A., Goethals A. (2018) Wealth Inequality and Activism: Perceiving Injustice Galvanizes Social Change but Perceptions Depend on Political Ideologies. *European Journal of Social Psychology*, vol. 48, no 1, pp. 81–90.
- Iacobucci D. (2012) Mediation Analysis and Categorical Variables: The Final Frontier. *Journal of Consumer Psychology*, vol. 22, no 4, pp. 582–594.
- Kitschelt H., Rehm P. (2014) Occupations as a Site of Political Preference Formation. *Comparative Political Studies*, vol. 47, no 12, pp. 1670–1706.
- Kohn M. L. (2001) Job Complexity and Adult Personality. *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*, Boulder, CO: Westview Press, pp. 193–210.
- Koivula A., Saarinen A., Räsänen P. (2017) Political Party Preference and Social Trust in Four Nordic Countries. *Comparative European Politics*, vol. 15, no 6, pp. 1030–1051.
- Korotaev S., Shkaratan O., Gasiukova E. (2016) Some Notes on the Issue of Social Stratification in Russia: Lifestyle Aspect. *Filosofija sotsiologija*, vol. 27, no 4, pp. 277–291.
- Lamprianou I. (2013) Contemporary Political Participation Research: A Critical Assessment. *Democracy in Transition* (ed. K. N. Demetriou), Berlin, Heidelberg: Springer, pp. 21–42.
- Laurison D. (2015) The Willingness to State an Opinion: Inequality, Don't Know Responses, and Political Participation. *Sociological Forum*, vol. 30, no 4, pp. 925–948.

- Lee S. (2016) Common Good. *Encyclopedia Britannica*. Available at: <https://www.britannica.com/topic/common-good> (accessed 14 May 2019).
- Leighley J.E. (1995) Attitudes, Opportunities and Incentives: A Field Essay on Political Participation. *Political Research Quarterly*, vol. 48, no 1, pp. 181–209.
- MacKinnon D. P. (2008) *Introduction to Statistical Mediation Analysis*, Mahwah, NJ: Erlbaum.
- Madalozzo R. C., Chebib A. M. (2017) Political Preferences and Individual Choice: A Latin American's Countries Perspective. *Revista de Sociologia e Política*, vol. 25, no 63, pp. 3–25.
- Marx P., Nguyen C. G. (2018) Political Participation in European Welfare States: Does Social Investment Matter? *Journal of European Public Policy*, vol. 25, no 6, pp. 912–943.
- Mayda A. M. (2006) Who is Against Immigration? A Cross-Country Investigation of Individual Attitudes toward Immigrants. *The Review of Economics and Statistics*, vol. 88, no 3, pp. 510–530.
- Morozov V. E. (2009) *Rossiya i drugie: identichnost' i granitsy politicheskogo soobshchestva* [Russia and Others: The Identity and Borders of Political Community], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).
- Morrell M. E. (2003) Survey and Experimental Evidence for a Reliable and Valid Measure of Internal Political Efficacy. *The Public Opinion Quarterly*, vol. 67, no 4, pp. 589–602.
- Oesch D. (2006) Coming to Grips with a Changing Class Structure: An Analysis of Employment Stratification in Britain, Germany, Sweden and Switzerland. *International Sociology*, vol. 21, no 2, pp. 263–288.
- Owens L. A., Pedulla D. S. (2014) Material Welfare and Changing Political Preferences: The Case of Support for Redistributive Social Policies. *Social Forces*, vol. 92, no 3, pp. 1087–1113.
- Paas T., Demidova O. (2014) What Explains People's Attitudes Towards Immigrants? A Comparative Study of Estonia and Russia. *The University of Tartu Faculty of Economics and Business Administration Working Paper*. No. 94. Available at: www.mtk.ut.ee/en/research/workingpapers (accessed 16 May 2019).
- Pacheco G., Lange T. (2010) Political Participation and Life Satisfaction: A Cross-European Analysis. *International Journal of Social Economics*, vol. 37, no 9, pp. 686–702.
- Pakulski J. (2005) Foundations of a Post-Class Analysis. *Approaches to Class Analysis* (ed. E. O. Wright), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 152–179.
- Piven F. F., Cloward R. A. (2000) *Why Americans Still Don't Vote and Why Politicians Want It That Way*, Boston: Beacon Press.
- Prandy K., Lambert P. (2003) Marriage, Social Distance and the Social Space: An Alternative Derivation and Validation of the Cambridge Scale. *Sociology*, vol. 37, no 3, pp. 397–411.
- Quintelier E. (2015) Engaging Adolescents in Politics: The Longitudinal Effect of Political Socialization Agents. *Youth & Society*, vol. 47, no 1, pp. 51–69.

- Quintelier E., Hooghe M. (2013) Do All Associations Lead to Lower Levels of Ethnocentrism? A Two-Year Longitudinal Test of the Selection and Adaptation Model. *Political Behavior*, vol. 35, no 2, pp. 289–309.
- Quintelier E., van Deth J. W. (2014) Supporting Democracy: Political Participation and Political Attitudes. Exploring Causality Using Panel Data. *Political Studies*, vol. 62. no (1_suppl.), pp. 153–171.
- Schkaratan O. I. (2012) *Sotsialnoe neravenstvo* [Social Inequality], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Schlozman K. L., Verba S., Brady H. E. (2012) *The Unheavenly Chorus: Unequal Political Voice and the Broken Promise of American Democracy*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Smyth R. (2012) Political Preferences and Party Development in Post-Communist States. *Demokratizatsiya*, vol. 20, no 2, pp. 113–132.
- Solon G., Haider S. J., Wooldridge J. M. (2015) What are We Waiting for? *Journal of Human Resources*, vol. 50, no 2, pp. 301–316.
- Straughn J. B., Andriot A. L. (2011) Education, Civic Patriotism, and Democratic Citizenship: Unpacking the Education Effect on Political Involvement. *Sociological Forum*, vol. 26, no 3, pp. 556–580.
- Swartz D. L. (2006) Pierre Bourdieu and North American Political Sociology: Why He Doesn't Fit in But Should. *French Politics*, vol. 4, no 1, pp. 84–99.
- Treier S., Hillygus D. S. (2009) The Nature of Political Ideology in the Contemporary Electorate. *Public Opinion Quarterly*, vol. 73, no 4, pp. 679–703.
- Turper S., Aarts K. (2017) Political Trust and Sophistication: Taking Measurement Seriously. *Social Indicators Research*, vol. 130, no 1, pp. 415–434.
- Van der Meer T. W. G., van Deth J. W., Scheepers P. L. H. (2009) The Politicized Participant: Ideology and Political Action in 20 Democracies. *Comparative Political Studies*, vol. 42, no 11, pp. 1426–1457.
- Van Deth J. W. (2015) Political Participation. *The International Encyclopedia of Political Communication: 3 vols. Vol. 2: Political Communication*. 1st ed., Hoboken, NJ: Wiley Blackwell, pp. 1–12.
- Verba S., Schlozman K. L., Brady H. E. (1995) *Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Politics*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Visser M., Lubbers M., Kraaykamp G., Jaspers E. (2014) Support for Radical Left Ideologies in Europe. *European Journal of Political Research*, vol. 53, no 3, pp. 541–558.
- Vorobeva I. V. (2016) Protivorechiya i paradoksy politicheskikh orientatsiy v structure zhiznennogo mira rossiyan [The Contradictions and Paradoxes of Political Orientations in the Structure of the Life World of Russians]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, no 1, pp. 17–26 (in Russian).
- Wallace C., Pichler F. (2009) More Participation, Happier Society? A Comparative Study of Civil Society and the Quality of Life. *Social Indicators Research*, vol. 93, no 2, pp. 255–274.

Welzel C., Inglehart R., Deutsch F. (2005) Social Capital, Voluntary Associations and Collective Action: Which Aspects of Social Capital Have the Greatest 'Civic' Payoff? *Journal of Civil Society*, vol. 1, no 2, pp. 121–146.

Wilson K. (2012) How Russians View Electoral Fairness: A Qualitative Analysis. *Europe-Asia Studies*, vol. 64, no 1, pp. 145–168.

Winship C., Radbill L. (1994) Sampling Weights and Regression Analysis. *Sociological Methods & Research*, vol. 23, no 2, pp. 230–257.

Zaheer L. (2016) Effects of Watching Political Talk Shows on Political Efficacy and Political Participation. *Journal of Political Studies*, vol. 23, no 2, pp. 357–372.

Received: August 28, 2019

Citation: Korotaev S., Gasiukova E. (2019) Sotsial'nye razlichiya i politicheskoe uchastie: mediiruyushchaya rol' ideologicheskikh predpochteniy [The Social Differences and Political Participation: The Mediating Effect of Ideological Position]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 20, no 3, pp. 99–135. doi: [10.17323/1726-3247-2019-3-99-135](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-3-99-135) (in Russian).